

Хьюлетт М.

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Морис Хьюлетт

Ричард Львиное Сердце

«Алгоритм»

1900

ББК 84(4Вл)

Хьюлетт М.

Ричард Львиное Сердце / М. Хьюлетт — «Алгоритм»,
1900 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-02202-9

Морис Генри Хьюлетт (1861–1923) – английский писатель, представитель школы романистов-историков. Служил в Министерстве финансов, в отделе по земельным сборам. Пришел в литературу достаточно поздно: в 1895 г. выпустил сборник рассказов об Италии. Известность принесли ему роман «Любители лесов» (1895) и в особенности роман о Ричарде I с длинным названием «Жизнь и смерть Ричарда Да и Нет» (1901), который с исторической точки зрения, а также по богатству и правдивости содержания далеко превосходил, по общему мнению, аналогичное произведение В. Скотта. Критики того времени ставили Хьюлетта в один ряд с такими маститыми романистами как М. Твен и Ф. Кроуфорд. В этом томе публикуется роман «Ричард Львиное Сердце», представляющий собой сплав романтической интриги и средневековой экзотики, где на историческом фоне третьего Крестового похода, в вихре бурных событий и страстей XII века, повествуется о крупнейшем и ярчайшем явлении Средневековья – английском короле Ричарде, который своим умом, силой, бесстрашием и мощью затмил всех царствующих особ своего времени.

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02202-9

© Хьюлетт М., 1900

© Алгоритм, 1900

Содержание

Вступление	5
Книга первая	7
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	25
Глава V	32
Глава VI	38
Глава VII	46
Глава VIII	51
Глава IX	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Морис Хьюлетт

Ричард Львиное Сердце

Вступление

Что говорит аббат Мило по всему свету о природе леопарда

Мне нравится описание леопардов, сделанное этим почтенным человеком¹, и, по мне, оно может пригодиться нам гораздо больше, чем вы думаете. Мило был картезианец², настоятель монастыря Сосновской Божьей Матери близ Пуатье. Он отличался тем, что по гроб жизни был другом такого человека, который дружил лишь с весьма немногими. Про него можно сказать наверно, что вообще он знал о леопардах столько же, сколько и всякий другой в его время и в его стране, но личные его познания были более основательны. «У вас в книгах, – говорит он, – пишется, что Леопард – отпрыск Львицы и Парда; и, если допустить, что реалисты³ хоть сколько-нибудь правы, то уже самое его название устанавливает этот факт. Но мне кажется, что его скорее следовало бы назвать Леолуп, то есть рожденный волчицей от льва, ибо в нем живут два естества, две породы. Такова природа леопарда: это – пятнистый зверь, в котором живут две души, – одна мрачная, другая светлая. Он сам черен и золотист, увертлив и силен – словом, кошка и собака. Голод гонит собаку на охоту; и с леопардом то же. Страсть подстрекает кошку: и с леопардом то же. Кошка самостоятельна, и леопард тоже. Собака еще повинуется малейшему кивку человека: леопард точно также может повиноваться человеку. У леопарда такая же мягкая шерсть, как у кошки. Ему тоже нравится, чтобы его гладили, но, при случае, он, как и кошка, способен оцарапать своего друга. Теперь еще вот что. Его неустрашимость, опять-таки, чисто собачья: он не знает страха, идет прямо к цели, и его от нее не отвлечь, но он злопамятен. Благодаря своим кошачьим свойствам, он осторожен и предусмотрителен, падок на лукавство и измену, не слушается советов и держится своего мнения. Словом, леопард – животное своенравное».

Это любопытно и, пожалуй, верно. Но смотрите, что он говорит дальше:

«Я знал человека: то был мой дорогой господин, великий король. Он к гербу Англии прибавил леопардов. Это было ему более к лицу, чем его отцу: он сам больше походил на это изображение. О нем-то я и собираюсь начать свое повествование – о том великом муже, в котором боролись два разных естества, как в двух совершенно разных людях, и о котором спорили две различные судьбы. Ему пели хвалебные гимны и его же презирали, его ненавидели и любили; он сам являлся то расточителем, то скрягой, то королем, то нищим, то рабом, то свободным, то богом, то простым смертным. О нем-то – о короле Ричарде «*Да и Нет*»⁴, которого так прозвали (а потом перестали прозывать) – и пойдет моя речь».

Так-то издавека, с большим мудрствованием и с немалым разглагольствованием, Мило начинает плести канву своего рассказа. Как видите, он подвержен слабостям своего возраста и

¹ Аббат Мило – настоятель цистерианского монастыря Марии Сосновской в Аквитании. Этот аббат пошел за королем в Иерусалим. Он был при короле до конца его болезни, закрыл его глаза и рот, когда он испустил дух, и собственными руками умастил ему голову бальзамом. Мило управлял своим аббатством с 1190 по 1227 г.

² Картезианский орден чернецов-отшельников основан в 1084 г. Утвержден папой в 1170 г. Их гнездом был монастырь в Гренобле.

³ В Средние века реалистами назывались философские идеалисты: они признавали понятия существующими «реально», вне нашего разума.

⁴ Так прозвал Ричарда трубадур Бертран де Борн.

потому считает долгом «начинать с начала». Не таков наш обычай. Позади нас немало времени, мы сознаем, что свет богат жизнью, и можем поручиться, что уже много переварено нами. Мило, конечно, имеет свои заслуги, как всякий правдивый летописец. Он хорош сам по себе, да и недурная приправа к тому, чем вас, читатель, будут потчевать. Впрочем, так как мы имеем дело с королем Ричардом, то можете запускать руку в сумку аббата лишь за десертом, а обед предоставьте уж приготовить мне.

Книга первая Да!

Глава I О графе Ричарде и о ночных огнях

Я намерен рассказать, как Ричард, граф Пуату, мчался напролет целую душную ночь, чтобы повидаться с Жанной Сен-Поль в последний раз. Это свидание было назначено самой леди; он же ехал в своем самом горячем Нет, не заботясь о том, будет ли то в первый или последний раз – лишь бы только опять ее узреть. Для отпущения якобы грехов своего господина, в сущности же, как он сам думал, чтобы рассчитаться с собственными грешками, ему сопутствовал аббат Мило – если можно назвать спутником человека, который отстает от своего доброго товарища в кромешной тьме ярдов на сто.

Их путь был далек, и лежал он через долину святого Андрея, самую мрачную часть нормандских болот. Путники ехали со скоростью Ричарда – отчаянным галопом; а цель (опять-таки Ричардова), дрожащая точка, ясно мерцала вдаль. Граф Ричард знал, что эта точка – факел Жанны, и не видел никакой другой искорки; но Мило, которому мало было дела до дамы, скорее обращал внимание на мелькавший порой огонек, озарявший северное небо.

В ту ночь природа не зажигала вовсе своих светильников и ни единым звуком не заявляла о себе – ни криком ночной птицы, ни шорохом испуганного зверя. Не было ни ветра, ни дождя, ни росы – ничего, кроме духоты, мрака и угнетающего зноя. Высоко над песчаным гребнем, где находилось место позорной смерти – Могила Утопленников, – одинокий факел бросал постоянный свет; и там же, впереди, к северу, на горизонте виднелась полоска трепетавшего пламени.

– Господи, помилуй несчастных! – проговорил граф Ричард, пришпоривая своего коня.

– Господи, помилуй меня грешного! – проговорил запыхавшийся аббат. – Все кишки мои растрясло.

Наконец они прошли каменистый брод, добрались до сосен и поехали вверх по тропинке, залитой светом, струившимся из Темной Башни.

В довершение всего, путники увидели владелицу замка с факелом, который она держала над головой. Они натянули поводья. Она не шевельнулась. Ее лицо было бледно, как луна; ее распущенные волосы отливали светом, словно на них был надет золотой убор. В ночной темноте она ярко выделялась своей белой одеждой и казалась выше ростом, чем была или могла быть на самом деле. То была Жанна Сен-Поль, Жанна Чудный Пояс, как звали ее друзья и возлюбленные. А для нее вот уже около двух лет весь свет заключался в нем одном – в самом румяном, в самом высоком и самом холодном из всех анжуйцев.

Сдержанность встречи влюбленных была любопытнее самого дела: один ехал так долго, другая так долго ждала; а ни один, по-видимому, не спешил к конечной цели своих стремлений!

Граф все еще восседал на своем коне, и смертельно уставший аббат считал своим долгом подражать ему.

Девушка все еще стояла на воротах, высоко держа свой светильник, из которого капала смола.

– Ну, дитя! – воскликнул граф. – Как твои дела?

Его голос дрогнул, дрогнул и он сам. Она взглянула на него, медля с ответом, хотя по руке ее, приложенной к груди, видно было, что эта грудь порывисто то опускалась, то подымалась.

– Видишь там огни? – промолвила Жанна. – Они пылают уже шесть ночей.

Он тоже посмотрел на них сквозь сосновую рощу. Широкими длинными языками стремились вверх по небу огни, то дрожа и замирая, то снова принимаясь дружно, забирая все больше пространства, вскидывая вверх свое пламя, струясь и переливаясь, как огненный поток.

– Король, вероятно, в Лювье, – заметил Ричард, усмехнувшись. – Ну, что ж? Он нам посветит, когда мы будем ложиться спать. Клянусь честью, все это мне надоело! Впусти же меня!

Жанна отошла в сторону, и он молодецкато въехал во двор замка. Проезжая мимо Жанны, он нагнулся и потрепал ее по щеке. Она только быстро вскинула на него глазами и впустила в ворота аббата, который отвесил ей вежливый поклон, ведя лошадь под уздцы. Девушка заперла за ними ворота и задвинула крепкими засовами. Слуги толпой бежали взять коней и прислуживать. Граф Евстахий, брат Жанны, привстал на медвежьей шкуре, на которой спал, вздохнул, зевая, и опустился на колени перед Ричардом; тот поцеловал его. Жанна стояла поодаль, по-видимому, владея собой; но она чувствовала, что за ней наблюдают. В самом деле, в пылу приветствий аббат Мило все-таки нашел возможность во все глаза разглядывать эту гордую красавицу.

Он пристально наблюдал за ней и оставил нам ее портрет в самых подробных чертах со всем тщанием того времени и современных ему нравов. С большим искусством изображает он ее по частям. Так, например, он говорит, что глаза у нее были синие, как ирис, но влажно-серого оттенка, окаймленные черным ободком с желтизной, так что производили, в общем, впечатление ярко-зеленых. Словно выточенный рот ее был необыкновенного темно-алого цвета и очень ровной окраски: «Настоящая земляника самого темного цвета», – замечает аббат Мило. Верхняя губа вздернулась в недовольную складку: Жанна имела основание быть недовольной вследствие такого рассматривания в микроскоп. Волосы ее такого же цвета, как шелк-сырец; брови расположены довольно высоко над глазами; овал лица изящный; руки и ноги – длинные, нервные, «хорошо служащие свою службу», и т. д.

Все это мало помогает, чтобы составить себе ясное понятие: слишком уж подробно! Но аббат разглядел, что Жанна была очень высока и почти худа, если не считать ее пышной груди, – слишком пышной (говорит он) для Дианы, на которую, впрочем, Жанна была похожа. Она была стройна, как березка; когда она шла, казалось, что юбки ее обвиваются вокруг ее ног. Своей молчаливостью она производила впечатление, как будто бы смотрит не то с удивлением, не то с недоверчивостью. «Лицом уподобляясь Юноне (воскликает аббат), она была сложена, как Геба, а ростом – как Деметра. С большинством людей мрачная, молчаливая, и только с одним оборотисто-живая, она казалась наблюдающей, а в действительности была лишь робка. Она казалась холодной и вполне пламенела. Я довольно скоро понял, что с ней происходило на самом деле: в ней боролись надежда и сомнение; отсюда ее молчаливость. Я угадал, что под ее наружной корой сдержанности кипит любовь, как вино. Но, благодаря ее гордой, смелой наружности, я не скоро познал ей цену. Прости мне, Господи! Я думал, что она холодна, как лед!»

Мило упоминает также об ее платье, которое замечательно шло к ней. Оно было все белое, с клинообразным вырезом на груди, который был бы чересчур глубок, если бы алый жилетик не закрывал этого V, спасая от соблазна девушку – да и аббата тоже. В ее длинные волосы, разделенные на две косы, были вплетены нитки мелкого жемчуга. Обвивая шею, они соединялись на груди в одну змейку, что еще больше выделяло ее красоту и составляло как бы золотистый ворот платья. Вокруг гладкой шеи лежала маленькая цепочка с каким-то красным драгоценным камнем, а на голове был другой драгоценный камень – карбункул, оправленный в виде цветка; с него падали назад три пера цапли. На Жанне был еще широкий пояс из золота и сапфиров и туфли из беличьего меха. «О, что за красавица была эта статная девушка! – восклицает в заключение почтенный Мило. – Золотистая, нежная, а глаза с поволокой. Ее все знали под именем *Жанна Чудный Пояс*».

Брат ее, Евстахий – так звали его в отличие от старшего брата, Эда – граф Сен-Поль, был живым сколком с сестры, только еще румянее, с более светлыми волосами и с совсем светлыми глазами. По-видимому, он был сердечный юноша и льнул к великому графу Ричарду, как плющ льнет к дереву. Ричард отвечал на его привязанность полупрезрительным дружелюбием, относясь к нему, как к собачке, которую то угостят пинком, то приласкают, на самом же деле ему просто хотелось поскорей от него отделаться. На путешествие не было сделано никакого намека: тут многое как бы разумелось само собой. Евстахий болтал о своих соколах, Ричард пил и ел, Жанна сидела степенно и молча смотрела в огонь. Мило ел за обе щеки и между глотками наблюдал за Жанной. Как только ужин кончился, Ричард вскочил и хлопнул обеими руками по плечам юношу Евстахия.

– Иди спать, спать, мой сокольничий! Уж поздно! – воскликнул он.

Евстахий отодвинул свой стул, встал, поцеловал графу руку, а сестру – в лоб, поклонился аббату и вышел, напевая какую-то песенку. Мило удалился, слуги тоже откланялись почтительно.

Ричард встал во весь свой молодой исполинский рост и прищурился.

– Гнездись, гнездись, моя пташечка! – тихо вымолвил он.

Жанна раскрыла свои алые губки. Медленно встала она со стула у огня, но все ускоряла шаги, подходя к Ричарду; наконец, она бросилась к нему в объятия.

Своей правой рукой он обнял милую, а левой приподнял ее личико за подбородок и, сколько хотел, мог любоваться ей. Чисто по-женски она упрекнула его за эту ласку, которая, в сущности, была ей очень приятна.

– Мой повелитель, как я подам тебе чашу и поднос, когда ты так крепко меня держишь?

– Ты сама – моя чаша. Ты – мой ужин.

– И порядочно тощий, бедный мой! – возразила она, в душе радуясь его шутке.

Потом, в сердечном разговоре, когда Жанна сидела на коленях у Ричарда, она вряд ли вполне ему принадлежала: ее тревожили многие посторонние вопросы. Для него в данную минуту не существовало ни воспоминаний, ни сомнений, и он пробовал нежно успокоить ее. Ее тревожили огни на северном склоне горизонта, на которые Ричард не обращал внимания.

– Дорогая! – говорил он. – Мой отец, король, подступает с войском, чтобы «загнать в постель» (женить) своего сына, графа. Но вот у его сына, у графа, хорошая постель, в которую он сейчас и ляжет. Однако это – не постель короля, его отца. Та, как тебе известно, французского изготовления, а не прочного нормандского или анжуйского; она не побывала в английских туманах. Клянусь святым Маклу⁵ и всеми чудесами, которые он совершил! Я был бы плохой нормандец и еще худший анжуец, и совсем не англичанин, если б любил французов!

Он попытался притянуть к себе Жанну, но она отстранилась от него и, облокотившись на свои колени, подперла подбородок рукой. Печально смотрела она на дрова, которые уже начинали белеть по мере того, как пепельный оттенок брал верх над огненно-красным.

– Повелитель мой не любит французов, – заметила Жанна. – Но он любит честных и доблестных людей. Он – сын короля и любит своего отца.

– Клянусь спасением души, не люблю его! – уверял ее Ричард чистосердечно. Затем он обхватил ее вокруг пояса и заставил всем телом повернуться к нему. Долго осыпал он ее поцелуями и, наконец, заговорил более серьезно:

– Жанна! Всю эту ночь, удушливую ночь, там, в кустарниках, я думал об одном только выражении: «отправляясь к ней, я стремлюсь к лучшему в моей жизни». К лучшему?.. Да, ты для меня – все на свете! Если я еще сохранил свою честь, кому, как не тебе, я этим обязан? Разве мужчина должен непременно обращаться с женщинами, как с собаками? Поиграв с ними

⁵ Маклу, или Мало, был епископом в древней Арморике (Бретань). Он принадлежал к знатному роду, но посвятил себя церкви.

от нечего делать, швырнуть им кость под стол, а потом вытолкнуть за дверь? Дитя! Ты лучше знаешь меня. Что? Что? – вскричал он, высоко закинув голову. – Разве мужчина не волен сам выбирать себе жену?

– Нет! – сказала Жанна, которая была готова к ответу. – Нет, пока сам народ будет избирать себе короля.

– Бог избирает королей: по крайней мере, мы так верим.

– Значит, Бог должен указать и жену, – возразила Жанна, пытаясь освободиться от его объятий. Но она знала, что это не удастся ей, и тихо, кротко принялась рассуждать с ним: – Король, отец твой, уж стар, а старики любят настаивать на своем.

– Бог его знает! Он и стар, и горяч, и равнодушно делает всякое зло, – сказал молодой граф и поцеловал Жанну. – Суди сама, милая моя. Нас было четверо – брат Генрих, я, Джефффри и Джон. Он расправлялся с нами по-свойски, сегодня – лаской, завтра – таской, лишь бы заставить нас плясать под свою дудку. Хороший способ, и применялся он опытной рукой. Что же вышло?.. Я расскажу тебе сейчас, какую службу сослужила эта дудка моему господину. Генрих платил лаской за ласку: и это находили прекрасным. Но разве нельзя таской отплатить за таску? Он подумал, что можно: и за это поплатился жизнью... упокой его, Господи! В Генрихе было много сердечной простоты. Мне вовсе не досталось ласки. Но к чему же было получать мне таску? По-моему, для этого не было достаточных причин. Но все-таки я принимал все, что получал. Если я кричал, то потому, что мне попадало более безвинно, чем прочим... Ну, будет обо мне! Джефффри, насколько мне кажется, был негодяй. Пусть ему Бог поможет, если сможет: он тоже на том свете. От отца он принимал ласку, но платил за нее таской: за то и поплатился. Он был пес нечистой породы: в нем было немало дьявольского. Он сам загрыз себя и умер, огрызаясь. Остается Джон, последний. Мне бы хотелось говорить о нем рассудительно, спокойно. Но это – такой тихоня: ему достается только ласка! Это несправедливо и, с его стороны, нечестно. Ему следовало бы хоть немножко попробовать таски, чтобы мы могли судить, какова его храбрость. Вот тебе, Жанночка, и вся наша жалкая четверка!.. Один из коней выбрался было на гору, да сердце надорвалось. Другой лягал своих сотоварищей по запряжке, шумел, разыгрывал из себя лошадь с норовом – и сломал себе спину. Третий, бедняга Ричард, ходит в хомуте и получает удары бича. А четвертый, милый мальчик Джон, на свободе ворочает шейкой, и его же ласкают, приговаривая: «Так и надо, мальчик, так и надо!» А тут еще красотка Жанна, что шепчет прямо в ухо бедному рабочему коню: «Добрый мой Ричард! Ступай себе в стойло, только не здесь! Устройся с сестрицей короля Франции!» Ха-ха-ха! – засмеялся Ричард. – Что это за речи в устах нареченной невесты?

Он ущипнул ее за щеку и весело взглянул на нее, торжествуя победу своего красноречия. Опасно было вызывать в нем дьявола: Жанна не посмела даже оглянуться на него. Убедительно и медленно она ответила:

– Да, Ричард! Да, мой король! Так уж подобает, чтобы король брал за себя сестру короля, а Жанна пусть себе идет в свой хлев. Орлам не пристало гнездиться с сычами.

В ответ он обхватил ее всю и прижал к своей груди.

– Никогда в жизни! Никогда! – клялся он, подняв голову к небу. – Как верно то, что Бог жив и царствует над нами, так верно, что ты будешь жить и царствовать, о моя королева, о моя роза Пикардии.

В тот вечер она больше не пыталась разубеждать Ричарда: она боялась, что это еще больше обострит его страсть и заставит героя прибегнуть к крутым мерам, лишь бы поставить на своем.

Сторожевые огни в городе Лювье дрожали и рассеивались к северу. В Темной Башне не пришлось зажигать свечей.

На другой день они проснулись с зарей. Ветер развеял сонмы туч. Чистое желтое небо стояло, словно огненное, но холодное море. Наступало начало бабьего лета для едва пробу-

дившегося солнца, для поредевшего тумана, который тянулся над болотом, для росистых, вновь оживленных цветов, для воздушной синевы и для жнецов, в которых загорались вновь надежды. В то время, как юный граф Евстахий еще сладко похрапывал в своей постели, а Мило был занят своим *Sursum Corda*⁶, Ричард взял Жанну за руку:

– Пойдем со мной, моя любовь! Целый божий день у нас впереди и целое пустое королевство для прогулок. Пойдем, роза моя алая. Я посажу тебя в цветы.

Что могла сделать Жанна? Только одно – глубже уйти в свои затаенные думы.

Он повел ее в поле, где цветы давали полный простор песням, и нарвал их побольше, чтобы ими украсить ей голову и грудь. Из колокольчиков, таких же синих, как ее чистые глазки, он делал пучочки. Но осень любит покрывать все желтой краской: и Жанна вся покрылась точно позолотой. На возвышении, словно на троне, сидела она, как он сам посадил ее. Но глаза ее были опущены, а личико пылало в то время, как он поклонялся ей, как кумиру своей мечты. Вряд ли он рассуждал о будущем, но ей все еще чудились дымящиеся огни в Лювье: она знала, что они заставят ее трепетать от ужаса опять целую ночь. Несмотря на это, кротость и терпение, неизменная вежливость и смирение ни на минуту не изменяли ей: они, как светлые ручьи, вырывались из ее души и сливались в одну реку. Ричард воздавал ей восторженное поклонение.

– Королева Жанна! – восклицал он, крепко обвивая ее стан. – Был ли когда в мире человек, благословенный от Господа такой милостью, как я, с тех пор, как Бог сказал: «Се мать твоя!» А ты ведь для меня все равно, что мать, о нареченная моя! Да, ты будешь невестой и королевой!

Это было уж чересчур. Жанна положила ему на голову свою ручку и сказала, как бы жалея его за дикий нрав:

– Ричард мой, Ричард Да и Нет!..

Это прозвище резануло его слух.

– Никогда не называй меня так! – остановил он ее. – Предоставь это Бертрану де Борну⁷: дураку и дурацкие слова!

«О, если б я могла! Если б я могла!» – думала Жанна и вздыхала.

На глазах ее выступали слезы при мысли, как она должна охладить его великодушные порывы и расстроить ее собственную славу. Но это все-таки не отклонило ее от дела, которое ей предстояло. А он, полный восторженного возбуждения, принялся петь песню юга: «*Al'entrada del tems clair, eya!*»⁸

В порыве сердечных ласк, когда волосы их сплетались, когда они приникали друг к другу, трудно было найти между ними большие несходства. Ее родной брат Евстахий меньше походил на Жанну по росту, сложению и золотистым волосам, нежели Ричард. Наружность Жанны вы уже знаете, но Ричарда – еще нет. Хотите знать телесные качества этого сына короля и наследника престола?

Коротко сказать, это был высокий молодой человек со свежим и спокойным лицом, с прямым носом, с голубыми глазами, сухощавый, гибкий, проворный. Он был одновременно смел и осторожен, горяч и холоден, как лед, – такое же странное соединение, как эта смесь в нем свойств нормандского пса и анжуйской кошки. Он не подкрадывался исподтишка, но всегда, казалось, был готов к смелому прыжку. Не дикий от природы, он был способен на дикие поступки; не жестокий, он быстро отвечал на оскорбление и не упускал к тому случая. Он был не мошенник и не сумасшедший, но в нем была хитрость первого и отчаянность второго, если только это возможно. Велика была его надменность, но улыбка скрывала ее, больше всего

⁶ Горе подымет сердца. Это слова, которыми у католиков священник начинает свою прелюдию к славословию.

⁷ Бертран де Борн (ок. 1140–1215) – знаменитый трубадур. Особенно славился своими политическими сервентами (т. е. произведениями придворного певца в пользу своего господина), отличавшимися такой заразной отвагой, что современники приписывали их влиянию многие войны и междуособия своего времени.

⁸ Эх, настанет погодушка!

проглядывала она в его полусонном взгляде. Пороков у него было много, слабостей – только две: он слишком полагался на свою силу и презирал всех. Не то чтобы он считал всех подлыми рабами: он просто был уверен, что все люди – дураки. Конечно, большая часть их были дураки, но не все.

На первый взгляд Ричард вызывал восхищение: высокий рост, чудный цвет лица, рыже-вато-золотистые волосы, остроконечная бородка, придававшая подбородку кошачье выражение, сжатый рот и холодный сосредоточенный взгляд, гордо поднятая голова и шея, мягкие движения – все в нем напоминало леопарда, но леопарда, когда он охотится. Он каждую минуту был готов ударить врага, но зато готов был и каждую минуту менять свои намерения. Таков был граф Ричард Да и Нет, которого любили все женщины, но очень немногие мужчины: мужчины ищут прежде всего доверия, а уж потом – любви; Ричард же ни одной живой душе не доверялся, считая, что никто не достоин его доверия. Женщины более великодушны: они отдаются, не требуя взаимного доверия.

Так было и с Жанной Сен-Поль, девушкой двадцати двух лет, когда Ричарду было тридцать два. Хорошего происхождения, хорошо сложенная, хорошо воспитанная, она была желанная невеста для всех своих пэров⁹. Она допустила похитить свое сердце и готовилась теперь сама заживо вырвать его из груди ради того, кто им завладел: она решилась умертвить свою любовь! Жанна была творением его любви: он пересоздал ее тело и душу. Бог дал ей роскошное тело, Ричард придал ему пылкость. Бог создал ее душу прекрасной обителью, любовь Ричарда наполнила ее светом, цветами, всем искусным убором.

Именно он, ее Ричард, научил ее держать себя по-царски – она отлично знала это. Знала она также, что у нее хватит силы воли отказать ему: ведь от него же она набралась смелости отдаться ему всей душой. Слишком молодой бросил ее рок в объятия самого славного из принцев. На этом брат ее, граф Эд, строил воздушные замки, теперь же она их разрушит. Ее младший брат, Евстахий, любит блестящего графа Ричарда; она и ему нанесет удар. А что будет тогда с ней самой? Прости ей, Господи! Об этом, кажется, она совсем не думала. Необходимо было спасти *его* честь. А сторожевые огни на севере напоминали ей, что час настал: старый король пришел со своим войском «загнать сына в постель». Ричард должен идти к нему, а она, Жанна, сама должна просватать своего милого за другую. Он, сын короля, наследник, обязан вернуться к королю-отцу, да и сам Ричард знал, что ему неизбежно придется возвратиться. Еще два дня безумных наслаждений, две ночи горьких страданий и выслушивания жалобной мольбы Жанны, которая даже похудела и побледнела! И это благодаря ему...

Прошлой ночью он сказал ей:

– Когда я в первый раз тебя увидел, моя Царица Снегов, на местах в Везелэ, в ту минуту, когда рыцари мчались во всеобщей схватке¹⁰, зеленый блеск твоих очей ранил меня, и я воскликнул: «Она – или никто!»

Жанна опустила голову, а он продолжал:

– Когда там венчали тебя королевой, потому что ты держалась так спокойно и величаво, так безмятежно подымала свое ясное лицо; когда твой рукав опустился в мой шлем¹¹, а мое сердце пало ниц к ногам твоим; когда рыцари, склонившиеся под моим копьем, были посланы преклонить пред тобой колени – что заставило тогда твое лицо вдруг запылать, а глаза так ярко заблестеть?

Она скрыла от него свое лицо.

⁹ От *лат.* *parēs* – равные. Так назывались в начале Средних веков все вассалы по отношению к своему сюзерену, который по закону считался лишь «первым среди равных».

¹⁰ Древнейшая форма рыцарских состязаний.

¹¹ Турнир начинался с того, что глашатай выкрикивал имена бойцов, подбодрял их сам и особенно побуждал к тому дам: красавицы кидали своим рыцарям ленты, шнуры, рукава, которые воздыхатели прицепляли к своим копьям.

– Поклонение рыцарей? Любовь ко мне? – воскликнул он и продолжал: – О Жанна Чудный Пояс! Когда я увел тебя с лугов Жизора, когда научил тебя любить и из твоих юных уст узнал, что такое любовь, – тогда только я сделался человеком. Теперь ты просишь, чтоб я стал собакой?

И он опять поклялся, что не покинет ее никогда. Страдая всей душой, она все-таки гордо улыбнулась:

– Нет, повелитель мой! Раз проснулся в тебе человек, ты никогда не перестанешь быть им. Ты отправишься туда, потому что ты – сын короля, а я буду молиться о новом короле.

Так она возражала ему, а он судорожно рыдал, прильнув лицом к ее коленям. Она уж не плакала. С сухими глазами целовала она его, с сухими губами пошла спать.

«На этот раз он сказал Да, – поясняет нам аббат Мило. – Но лишь гораздо позднее узнал я, какой ценой ей это досталось».

На другое утро он уехал. Она смотрела ему вслед.

Глава II

О том, как красавица Жанна пожертвовала собой

Для пустяков всегда найдется досуг, а наши мудрецы бросают и нужное дело, когда оно надоест им.

Граф Ричард Пуату, раз уже порешив, еще с вечера исповедался: ему нужно было выехать с зарей, когда петух только что запоет, а до того еще успеть приобщиться Святых Тайн. Он так и сделал, даже прежде, чем утреннее небо приняло серенький предрассветный оттенок. Граф был в латах, в полном вооружении, в своем красноватом плаще из леопардовых шкур, уже опоясанный мечом и при шпорах. В притворе часовни один сквайр¹² держал его щит, другой – шлем, а конюх прогуливал коня. Священнодействовал аббат Мило, а прислуживал ему гнуса-вый мальчуган. Граф преклонил колени пред алтарем, освещенным двумя тонкими свечами.

Не успел священник начать службу, как Жанна Сен-Поль, которая не спала всю ночь, прокралась в часовню. На голове у нее было покрывало, держалась она прямо. Войдя, она опустила на колени, и, вытянув руки в уровень с подбородком, сложила их так, что кончики пальцев указывали на небеса, куда летели и ее помыслы. Так, словно застывшая в молитве, она оставалась во все время совершения таинства, не шелохнувшись даже в ту минуту, когда, при вознесении Святых Даров, Ричард пал ниц на землю. Казалось, и она безмолвно приносит свое собственное сердце в жертву Богу и в знак благоговения.

Граф приобщился Святых Тайн. Он был человек очень религиозный: на всякое дело он отправился бы скорее без меча, чем без благословения Божия. Жанна видела, как спокойно принял он причастие. Она была в возвышенном настроении и стояла неподвижно, как статуи святых, но как только кончилась обедня, и Ричард принес благодарственную молитву, она удалилась от него в темный угол.

Он прошел мимо нее к выходу, задев по дороге концом своего меча за край ее платья. Она не слышала его шагов – он ступал тихо, словно кошка, – но почувствовала прикосновение меча и вздрогнула.

Ричард понесся вскачь со двора.

Пока аббат Мило бормотал свои благодарственные молитвы, Жанна вышла из своего уголка, чтобы поговорить с ним. Он об этом и сам догадался, не нуждаясь во взгляде, которым она подозвала его из-под своего покрывала. Он сел у алтаря Сен-Реми¹³, она опустилась на колени рядом с ним.

– Что? Ладно, дочь моя? – спросил Мило.

– Думаю, что ладно, – ответила она.

Аббат – старичок с красным лицом и слезящимися глазами, подверженный насморкам, – отверз свои уста и изрек разные умные речи, какие только знал. Он поднял указательный палец кверху, словно коготь, и принялся чертить им в воздухе какие-то таинственные знаки.

– Послушайте, что я вам скажу! – начал он. – Я вам скажу, что вы поступили хорошо, и всегда буду утверждать это. Этот великий принц, которого я люблю, как родного сына, не для вас, но и не для других. Нет, нет! Он уже женат.

Мило надеялся озадачить ее, но старый проповедник ошибся: Жанна была слишком удручена своим горем.

– Да, дочь моя! – повторил он. – Он действительно женат. Но на ком? Да на самом себе! С детства этот человек одинок душой и не может жениться в том смысле, как вы понимаете.

¹² Сквайр – дословно: щитоносец. Первоначально это был мальчик рыцаря, род конюха. Подросши, он становился пажом и уже потом – рыцарем. Все эти степени прошел и Ричард.

¹³ Сен-Реми – реймский архиепископ. Его именем освящены многие местности, церкви и часовни.

Вы думаете, он вас любит? Верьте мне, что нет. Он любит самого себя: у него есть призвание, ему предначертана особая судьба... «Какая?» – спрашиваете вы...

Жанна не спрашивала ничего, но он считал, что по правилам риторики ему полагается спрашивать.

– Иерусалим, вот в чем его судьба! – ответил он сам себе. – Иерусалим, вот избранная им невеста, томящаяся в цепях! Он не женится ни на вас, ни на Элоизе французской, ни на какой другой девице во всем христианском мире, пока не свершится его духовный брак. Я не любил бы его так, если бы не верил в это. А почему? Разве назову я своего собственного сына отступником, потому что он отмечен Крестом Господним, потому что он заключил союз со Спасителем?

Мило откинулся назад на своем кресле, глядя на нее пылливо, чтобы подметить, как она приняла его слова. Она приняла их спокойно и повернула к нему свое лицо, просветленное борьбой, и глаза, казавшиеся совсем черными.

– Что бы мне сделать, чтобы спасти себя?

В голосе ее слышалось утомление.

– Спаси себя? – удивился он. – Но, дитя мое, разве во Кресте не спасение?

– Но не от Ричарда, батюшка...

«Совершенно верно, хоть и стыдно в этом признаться», – подумал старик. Он вообще старался обходить такие вопросы, но теперь ему пришлось убедиться, что эта девушка их не боится. Верный своим правилам, он уклонился от ответа.

– Поезжай домой, к своему брату, дочь моя! Поезжай в Сен-Поль-ля-Марш. Помни: что бы ни случилось, в несчастье для женщины всегда есть две двери спасения – монастырь и супружеское ложе.

– Никогда не пойду я в монастырь! – воскликнула Жанна.

– Мне кажется, ты рассуждаешь вполне разумно, – заметил Мило.

Я предполагаю, что такой выбор показался Жанне страшным, ибо аббат вдруг приписал в своей книге:

«Казалось, бодрость духа вдруг оставила ее: она начала сильно дрожать, напрасно стараясь побороть слезы. Я ей на все открыл глаза в те несколько минут, когда она сидела у моих ног. Она была еще очень молода и, по-видимому, считала себя погибшей».

– Полно, полно! – проговорил он. – За последние два дня ты показала, что ты – хорошая, смелая девушка. Не каждая могла бы пожертвовать собой для графа Пуату, старшего сына короля. Довольно горевать, не будем думать об этом!

Без сомнения, он надеялся закалить ее такой грубостью, которая далеко не была его отличительной чертой. И возможно, что ему удалось вовремя подтянуть ее расхолодившиеся нервы. Взрыва отчаяния не было, но горькие слезы еще продолжали катиться.

– О, что мне делать, что мне делать? – проговорила жалобно Жанна.

«Бог свидетель, – пишет дальше аббат, – дело было плохо, но мне пришла в голову счастливая мысль».

Он заговорил о Ричарде, о том, что ему уже удалось совершить до сих пор и что ему еще оставалось сделать.

– Моя дорогая! Говорят, клеймо врага человеческого на всей его родне. Говорят, что Жоффруа Серый Плащ имел сношения с дьяволом. И что верно, то верно: у Ричарда, как и у всех его братьев, семя этой заразы еще живет в крови. В доказательство взгляни на изображение леопардов и рассуди: есть ли хоть один царствующий дом во всем христианском мире, который взял бы себе такой герб, не имея дела с дьяволом? Затем взгляни на поступки этих принцев. Что привело юного короля к мятежу и смерти, а Джеффри – к хищению и тоже к смерти? Что приведет и Джона Безземельного к измене и к смерти? Что доведет также нашего

статного Ричарда до насилия и смерти? Ничто другое, да, ничто другое. Но прежде чем ему смерть придет, ты увидишь, что он еще прославится...

– Он уж и так прославился, – возразила Жанна, отирая слезы.

– Так и считай его славным! – раздраженно заметил аббат, не любивший, чтоб его прерывали.

– Но если я вернусь в Сен-Поль, я встречу там с Жилем де Герденом, а он поклялся, что я буду ему принадлежать.

– Ну, так что ж? – отозвался аббат. – Почему бы и нет? Твой брат согласен?

Жанна покачала головой:

– Нет, брат желал, чтоб я принадлежала господину моему, Ричарду. Но Жиль и не нуждается ни в чем согласии: он может купить меня у короля Франции. Он весьма состоятельный человек.

– Есть у него капитал? Есть земля? Он, значит, дворянин?

– Он имеет рыцарское звание, владеет церковным леном... О, у него всего довольно!..

«Прости меня, Господи, если я прегрешил (пишет тут аббат), но видя, что она так очаровательна, кротка и так горюет, я поцеловал эту прелестную особу. И она вышла из часовни Сен-Реми несколько успокоенная».

Мало того, она в тот же день выехала из Темной Башни вместе с братом своим Евстахией и отправилась по направлению к Жизору и замку Сен-Поль. Что бы она ни делала, все у нее выходило как-то благородно: она всегда молчала и высоко держала голову. Тем не менее граф Сен-Поль, сидя грозно, словно разъяренный рыжий бык, засаженный в стойло, всячески старался укорить ее в бесстыдстве и тем самым смирить свою горечь. Евстахий, в то время еще пылкий юноша, спас Жанну от ярости Эда, приняв на себя его гнев. Граф Сен-Поль принес великую клятву.

– Зубами Господа клянусь, Жанна! – заревел он. – Я вижу, в чем дело. Он погубил тебя и теперь отправился в другие места с той же целью.

– Никогда, господин мой, не смейте говорить так о моей сестре и о величайшем рыцаре на свете! – вскричал юноша, страшно вспыхнув.

– Ах ты, молокосос! – завопил граф. – Это тебя не касается. Сперва докажи мне свою правду, а потом и укоряй меня в неправде. Подобаает ли, чтоб анжуец тешился моим домом, словно игрушкой? Неужели дозволить этому долговязому детищу черта и морских разбойников пакостить наши пастбища, попирать их ногами, чернить все и ломать, кричать вволю, ломать заборы – и безнаказанно давать тягу?.. Клянусь душой отца, я распоряжусь, чтоб Жанне была оказана справедливость!

Он повернулся к сестре. Та сидела молча.

– Ты говоришь, что сама послала его прочь? Куда же ты его послала? Куда он поехал?

– Он поехал к королю Англии, в Лювье и в лагерь, – ответила Жанна. – Не я его послала: за ним прислал король.

– А кто там еще, кроме короля?

– Мадам Элоиза французская.

Граф Сен-Поль прищелкнул языком.

– О! – воскликнул он. – Ого! Вот оно как? Так, значит, ей полагается куковать?

Широко рассевшись, он с минуту глубоко задумался, двигая челюстями, как человек, жующий солому, потом хлопнул своей ручищей по коленке и вскочил.

– Не я буду, если не разорю это гнездо пороков! Клянусь душой, это – чистый заговор! О, мерзкий вор!.. Ну, – обернулся граф к брату, – что ж ты теперь скажешь, Евстахий, своему величайшему рыцарю на свете? А что делать с твоей сестрицей? А?.. Ах ты, дурачок! Понимаешь ли, наконец, в чем дело? Два года, два медовых года услаждал он себя с Жанной Сен-Поль, обменивался из уст в уста пустыми клятвами, украдкой ловил ее пальчики и целовал,

и обнимал... А таинство брака, договоры и выкуп невесты – все это он приберег для дочери французского короля... Псс! В какое ничтожество ее превратили!.. О, небо и земля! Отвечай мне, Евстахий, если можешь!

Все трое волновались, каждый по-своему: граф краснел и моргал; Евстахий краснел и дрожал; Жанна сидела белая, как скатерть, и тоже дрожала, но молча. Слово оставалось за юношей.

– Даю вам слово, я ничего про все это не знаю, господин мой! – смущенно вымолвил он. – Я люблю графа Ричарда, люблю свою сестру. Может быть, и было что-нибудь такое, за что я осудил бы одного из них, если бы любил только другого. Право, не знаю, но... – Он взглянул на бледное, словно застывшее лицо Жанны и высоко поднял руку. – Клянусь спасением души, я никогда этому не поверю! Любя, они сошлись, господин мой; любя, говорит Жанна, расстались. Я мало слышал о мадам Элоизе, но думается мне, что королям и их наследникам полагается жениться на дочерях королей, даже не по любви.

Граф вскипел:

– Ты дурак, как я вижу, а потому никуда для меня не годишься! Я должен говорить с мужчинами, оставайся здесь, Евстахий, и сторожи сестру, покуда я вернусь. Никого к ней не подпускай: ты за нее отвечаешь головой! Есть тут такие молодцы – подлецы, подлизы, сплетники... Не подпускай их, держи их поодаль, да, поодаль! Что же касается вас, сударыня, – горячо и надменно проговорил он, обращаясь к гордой девушке, – что касается вас, сидите дома. Вы на рынок не годитесь: вы – испорченный товар. Вы отправитесь туда, где вам быть подобает. Я еще хозяин у себя и неповиновения здесь не допущу! Повторяю: сидите дома! Я вернусь через несколько дней.

Он вышел из комнаты, стуча ножищами. Вслед за тем послышалось, как он распределял сторожей у ворот.

Сен-Поль был, без сомнения, большой и знаменитый замок. Его графы не доискивались начала своей родословной, а сами соорудили себе прекрасный храм в этом смысле, с двенадцатым апостолом¹⁴ во главе. У них были плодоносные, сомкнутые земли, которые плотно втискивались между границами Нормандии и Франции, имевшей над ними феодальные права. Благодаря им графы Сен-Поль могли бы считаться такими же владельческими особами, как члены домов Блуаского, Аквитанского, даже Анжуйского, которые из ничего вознеслись так высоко.

Мало того: посредством брачных союзов и таких грабежей, что их называют уже войнами, а также в силу договоров и денежных оборотов, они так поднялись, что не было причин, почему бы им не породниться с королевским домом. Да и теперь они были недалеко от этого. Они называли «кузеном», «братцем» маркиза де Монферрата, а он, говорили, имел намерение взойти на иерусалимский престол. Сам император мог называть, да и называл уже (однажды, под хмельком) графа Эда де Сен-Поль кузеном: это – быль! Не надо забывать, что в Галлии того времени дела были в таком шатком положении, что каждый, как говорилось тогда, стоил только то, чего стоил его меч. Вчера еще бродяга, завтра – воитель; вчера с веревкой на шее, сегодня – в графской перевязи, а завтра, может быть, в королевской короне.

Взобратся повыше можно было разными путями – посредством бранного поля, сытного стола, брачного ложа. В то время красивая дочка стоила почти столько же, сколько дюжий сынок. Граф Эд считал себя достаточно дюжим, а также и Евстахия. Красавица же Жанна, эта статная девушка, величавая, как изваяние, как безмолвное чудо золота и слоновой кости, обещала обильную жатву, которой он, как владелец, намеревался воспользоваться: и вот уж целых два года, как он изо дня в день зарился на эту добычу! Страсть девушки к тому или иному мужчине была для него трин-трава. Но страсть к ней знаменитого герцога Пуату разжигала

¹⁴ Двенадцатым апостолом у католиков считается Павел.

сердце графа Сен-Поля. По воле Божьей, по молитвам святому Маклу еще, может, доведется ему величать свою сестру «госпожа королева»!

На всякие слухи он был глух: были и такие, что называли Ричарда негодяем, и такие, что величали его, вместе с Бертраном де Борном, Ричардом Да и Нет, и эта кличка была всем известна в Париже. Граф Сен-Поль закрывал глаза на оскорбительное невнимание Ричарда к нему самому и к его достоинству. Достоинство графа Сен-Поля?! Оно еще может обождать. Граф и не думал ни о дурной славе Жанны, ни об угрозах своего страшного нормандского соседа, старого короля Генриха, который оглоушил одного архиепископа, как быка¹⁵; он даже дерзал идти против гнева своего сюзерена, короля Франции, в руках которого была судьба брака Жанны. Эд, как игрок, очертя голову, поставил всю судьбу своего дома на одну карту – на привязанность девушки к дикому принцу. И вдруг сознаться, что он заслужил только одно – пищу для своей мести!.. И граф без конца клялся зубами Господа, что поставит на своем. Он двинулся из своего замка Сен-Поль-ля-Марш прямо в Париж.

В то время, при императоре Генрихе¹⁶, главой его дома был маркиз Конрад Монферратский, который хлопотал об иерусалимской короне. Надо устроить совещание прежде, чем дело дойдет до падения дома Сен-Поля. Уж маркиз-то никогда не допустит этого! Он должен затормозить колеса. Разве, например, Элоиза французская не в родстве с английским домом? Ведь она – сестра французского короля? Ладно. А что такое мать Ричарда? Вдова Людовика, то есть отца Элоизы. Ну, благопристойно ли это? Что скажет на это папа, итальянец? Недаром ведь маркиз Конрад – тоже итальянской крови? Разве «наш кузен» император, король Римский, также не идет в счет? Папа и маркиз – итальянцы, император на своем престоле и Господь Бог на небе! Эге-ге! Вот и произойдет совещание этих повелителей! Так-то, с целым вихрем вопросов и ответов в голове, скакал граф Сен-Поль в Париж.

А Жанна тем временем оставалась в замке Сен-Поль-ля-Марш. Она много молилась, мало выходила из дома, виделась с немногими. Затем явился (слухом земля полнится!) сэръ Жиль де Герден, как заранее знала Жанна. Он опустился перед ней на одно колено и поцеловал ей руку.

Жиль был коренастый широкоплечий молодой человек племени черноволосых нормандцев, румяный, с большими челюстями и маленькими глазами, с низким лбом и шарообразной головой. Он был ростом не меньше Жанны, но казался ниже и был ненаходчив в разговоре. Он полюбил ее еще тогда, когда она была двенадцатилетним подростком, а он состоял сквайром при ее отце, чтобы научиться мужским доблестям. Король английский посвятил его в рыцари, но она, Жанна, сделала его мужчиной. Она знала, что он скучен, как стоячее болото, но что это был человек добрый, честный, здоровый и довольно состоятельный. Как только Жанна увидела его, она тотчас же поняла, что это – однолюб, который будет всегда хорошо обращаться с ней.

«Помоги мне, Господи, и ему тоже! – подумала она. – Возможно, что он скоро понадобится мне».

¹⁵ Здесь разумеется история Фомы Бекета.

¹⁶ Имеется в виду Генрих VI Гогенштауфен.

Глава III

В какой тихой пристани нашли престарелого льва

В Эврэ, по ту сторону кустарников, граф Ричард нашел всех своих товарищей – виконта Адемара Лиможского (его еще звали тогда Добрым Виконтом), графа Перигорского, сэра Гастона Беарнского (который действительно его любил), епископа Кастрского, монаха Монтобанского (птицу певчую); наконец, несколько дюжих рыцарей с их сквайрами, пажам и оруженосцами. Он два дня поджидал там аббата Мило с последними вестями о Жанне; затем во главе отряда в шестьдесят пик проворно направился через болота к городу Лювье.

После своего первого приветствия: «Добро пожаловать, мои лорды!» – он говорил весьма мало и был холоден, а после своей беседы с Мило, поутру, еще в постели, и совсем перестал говорить. Один, как и подобало члену его дома, ехал он во главе своих воинов. Даже монах-щебетун, который помнил его брата, Генриха, и часто вздыхал по нем, и тот боялся взгляда его грозных очей: как синие камешки сверкали они, преисполненные холодного блеска. В такие минуты, как эта, когда человек стоит лицом к лицу с предстоящей задачей, люди уверяли, будто видели, как ведьма сидит за спиной анжуйца.

Едва ли было время в короткой жизни Ричарда, когда он не был открытым врагом своего отца, но теперь он об этом не думал. Он мог бы сказать, что не всегда был в этом виноват, но никогда не говорил. А я могу заявить, что расточительность этого тридцатилетнего принца была ничто в сравнении с тем, как рассорил свое наследство старший родич. В припадках ярости Ричард все это сознавал и находил себе оправдание; но проходил порыв – и, смягчившись, граф начинал взваливать на себя всевозможные обвинения, уверяя себя, что за то-то и то-то он мог бы полюбить этого закошенного в жестокости старика, который, наверно, не любил его.

Ричард не был ни ослом, ни клячей: он поддавался убеждениям и с двух сторон. Первое, это – раскаяние: оно могло растрогать его до глубины души и заставить упасть на колени со слезами. Второе – привязанность: если проситель был люб ему, он тотчас сдавался. На этот раз не совесть погнала его в Лювье, а любовь к Жанне. Сначала, когда Жанна защищала перед ним святой Гроб, старика-отца, сыновнее повиновение, Ричард только смеялся над доброй дурочкой; но теперь, когда она уже успела поумнеть и умоляла его сделать ей удовольствие – растоптать ее собственное сердце, которое она сама же отдала ему, он не мог ей отказать. Он был побежден, но не убежден.

Ричард ехал один, на триста ярдов впереди своих вассалов, погруженный в размышления о том, как бы ему, уступая, соблюсти честь. Чем больше он думал, тем было ему неприятнее; но он видел ясно всю необходимость, которая приступала к нему, как с ножом к горлу. И, как всегда случалось с ним, погружаясь в свои думы, он принимал вид каменного изваяния. «Что ни говори, – пишет аббат Мило, – а у каждого члена Анжуйского дома была своя неприступная сторона: до такой степени свыклись эти люди с жизнью крепостей!»

С широкой равнины, орошенной множеством рек, видны были башни города Лювье, из которых главные опоясывали целый сонм красных крыш. У самых стен стояли рядами белые палатки, клубились столбы дыма, виднелись повозки, люди, лошади; и все-то это было такое маленькое, беспорядочное, суетливое, как рой пчел. Посреди этого военного сборища находился красный павильон, а сбоку – штандарт, слишком тяжелый для того, чтоб развеяться по ветру. Все купалось в чистом, хотя и бессолнечном воздухе осеннего нормандского дня. Время было близко к полудню. Ричард выскакал на пригорок впереди своих спутников.

– Мои лорды! Вот английская сила! – говорил он, указывая рукой.

Все остановились рядом с ним. Гастон Беарнец пощипывал свою черную бородку.

– Покончим счета, – проговорил этот рыцарь, – прежде, чем меч будет вынут из ножен!

– Что? – вскричал граф. – Неужели отец прикончит собственного сына?

Никто не возразил: и Ричард вдруг сам устыдился своих слов.

– Бог свидетель! – проговорил он. – Я не замышлял никакого нечестия: как можно благороднее исполню предпринятое мной. Идемте, джентльмены!

Ричард двинулся вперед.

Королевский лагерь был защищен рвом и мостом. У барбакана¹⁷ все аквитанцы, кроме Ричарда, спешили и стали вокруг него, в то время как глашатай отправился возвестить королю, кто прибыл.

Король прекрасно знал, кто к нему пожаловал, но предпочел не знать. Он так долго держал у себя глашатая, что приезжие вполне могли разозлиться, затем послал сказать графу Пуату, что его можно принять, но только одного. Пользуясь своим правом быть на коне, Ричард поехал один, вслед за глашатаями, но шагом. Дорогой никто не приветствовал его. Приблизившись к штандарту, граф спешился, увидел привратников у входа и бросился в палатку, которую перед ним распахнули, словно лесной зверь, завидевший добычу. Там он вдруг окаменел и резко грохнулся на оба колена. Посреди большой палатки сидел старый король, его отец, коренастый, взъерошенный, с работающими челюстями и беспокойными пылающими глазками. Руки его лежали на коленях, а в них торчал длинный меч наголо. Подле него стоял его сын, румяный и тоненький Джон, а дальше делали круг его пэры – два епископа в пурпурных мантиях, рябой монах из Ключни¹⁸, Боген, Гранмениль, Драго де Мерлю и еще несколько человек. На полу помещался секретарь, покусывая свое перо.

Король выигрывал, когда восседал на троне: верхняя половина туловища была у него лучше, более походила на мужчину. Его рыжие редкие волосы распались в беспорядке; на лоснящемся красном лице выступали шрамы и прыщи; кривые челюсти, толстая шея, широкие плечи делали его похожим на быка. Узловатые, грубые руки, длинные, превыше всякой меры, губы с выражением жестокости, нос как клюв у хищной птицы, – все было словно вырублено из дерева грубой рукой и так же топорно размалевано. А если что и оставалось тут человеческого, то искажалось глазами, в которых кипела горечь страдания, как у падшего ангела: анжуйский бес пожирал глазами короля Генриха на виду у всех. Это придавало старику сходство с диким вепрем, который острит свой клык об деревья, довольный тем, что он отвратителен, великолепный тем, что так силен и одинок.

Впереди не было ничего утешительного. Как ни мало знал Ричард своего отца, в этом он не мог ошибиться. Старый король был на втором взводе: его снедала ярость. Его злило то, что сын сейчас преклонил колени, а еще более то, что он не сделал этого раньше.

Представление началось с шутовства. Король прикинулся, что не видит сына, а тот продолжал стоять на коленях, как кол. Король говорил с принцем Джоном с неприличной разнузданностью и с каждым словом выпаливая свою злость: даже смущались его епископы, краснели его бароны. Старик бесконечно унижал себя, но, казалось, утопал в наслаждении своим позором. У Ричарда подступило к горлу, и послышался его нежный голос.

– О Боже! Что это прорвало Тебя создать такую свинью? – пробормотал он тихо, но так, что двое-трое близстоявших расслышали. Слышал их и сам король – и был доволен; слышал и принц, заметивший со страхом, что не ускользнули они от слуха Богена. Король продолжал скрипеть свое, Джон гомозился на месте, а Боген – величайшая смелость! – нашептывал что-то королю на ухо.

Король ответил ему гоготаньем, которое можно было слышать по всему лагерю:

– Га, клянусь Святым Ликом! Пусть-ка постоит на коленках, Боген! Это для него новая привычка, но полезная для человека его ремесла. Все воины приходят к этому рано или поздно... Да, рано или поздно, клянусь Богом!

¹⁷ Барбакан – укрепление перед воротами.

¹⁸ Ключни – знаменитый монастырь, опора аскетизма и папства.

Тут Ричард нарочно встал на ноги и пошел к трону. Его высокий рост как бы добавлял отвращение, вызываемое Генрихом. Король вскинул на него глазами и оскалил свои клыки.

– Ну, что еще, сэр? – спросил он сына.

– Довольно с меня, сэр, если вообще солдату подобает стоять на коленях, – отозвался Ричард.

Король сдержался, проглотив слюну.

– А все-таки, Ричард, – сухо, как пыль, разлетелись его слова, – все-таки вы скоренько преклонили колени перед мальчишкой-французом.

– Перед моим сюзереном? Да, это правда, сэр.

– Он тебе не сюзерен! – заревел старик. – Я твой сюзерен, клянусь небесами! Я тебе дал, я же могу взять обратно. Берегись меня!

– Светлейший государь мой! – произнес Ричард. – Заметьте, ведь я преклонил перед вами колени. Если я сюда явился, то единственно с этой целью; и уж никак не для того, чтобы вступать в словесную борьбу. Я прибыл из своих владений, и не один, а со всей своей дружиной, чтобы оказать вам повиновение. Будьте уверены, что и они, со своей стороны, отдадут вам должную честь, как я, если вы им позволите.

– Ты пришел из земли, которую я тебе дал. Вот также приходили Генрих и Джеффри, чтобы грозить мне, – промолвил старик, весь дрожа в своем кресле. – Что мне твоя покорность, когда я испытал ихнюю! Покорность Генриха, покорность Джеффри!.. Псс!.. Что у тебя за слова, человек!

Он встал и зашагал, топая по всей палатке, словно взбешенный карлик – кривоногий, длиннорукий, как бы ужаливаемый по всему телу до бешенства.

– И ты говоришь мне про своих людей, про свои владения, про свою дружину! Да, все хорошие люди, отличная дружина, клянусь распятием! Скажи-ка мне, Ричард, нет ли у тебя в этой дружине Раймонда тулузского? Нет ли Безье?

– Нет, государь, – ответил Ричард, глядя спокойным взором на искаженное лицо отца.

– Да и никогда не будет! – проворчал король. – А рыцарь Беарнец с вами?

– Да, государь.

– Плохая компания, Ричард! У этого животного белое лицо, лживый язык и самая, что ни на есть, козлиная борода. А с тобой твой монах-певун?

– Да, государь.

– Постыдная компания, Ричард! Ну а Адемар Лиможец с тобой?

– Да, государь.

– Глупая компания! Оставил бы его сидеть со своим бабьем. А твой аббат Мило с тобой?

– Да, государь.

– Нездоровая компания!

Вдруг, как бы сразу утомившись даже браниться, поник Генрих головой и вынужден был снова сесть. Ричард почувствовал прилив жалости. Глядя сверху вниз на съежившегося старика, он протянул к нему руку, говоря:

– Не будем ссориться, отец.

Но эти слова, как боевой клич, заставили старика вдруг воспрянуть.

– Еще последний вопрос, Ричард. Посмел ли ты привезти с собой сюда Бертрана де Борна?

Он опять вскочил, чтобы выбраться: и оба глядели друг на друга в упор. Каждый знал отлично, как важен был вопрос.

Это отрезвило графа, но изгнало жалость из его души.

– *Посмел* – выражение, непригодное для анжуйца, государь мой! – возразил он, тщательно взвешивая свои слова. – Но Бертрана нет со мной.

Прежде чем старик успел снова поддаться своему дикому буйству, Ричард свернул разговор на свою главную цель:

– Государь! Чем короче речь, тем лучше. Вы стараетесь вызвать во мне злость, но вам это не удастся. Я к вам явился как покорный сын и слуга вашей милости: таким и выйду отсюда. Как сын, я преклонил колени перед отцом-королем; как слуга, я готов ему повиноваться. Пусть же свершится брачный союз, который вы с королем Франции прочили мне с колыбели. Я готов сыграть свою роль, если мадам Элоиза сыграет свою.

Ричард сложил руки, король опять сел в кресло. При имени дочери короля французского отец и брат Ричарда обменялись странными взглядами: граф почувствовал, что между ними есть какая-то тайна и что он попал в ловушку. Но он промолчал. Старый король снова принялся пилить.

– Слушай же меня, Ричард! – сказал он, грозно заработав бровями. – Если бы это проклятое животное, Бертран, был с тобой, наш разговор был бы последним. Это – зубастая гадюка, заползшая в колыбель к моему ребенку и влившая в него яд. Господи Иисусе! Если я встречу когда-нибудь этого Бертрана, помоги мне раскровянить ему рожу!.. Но я доволен и тем, что есть. Гостите у меня, если только столь грубое пристанище может удовлетворить ваше благородие. Что касается мадам Элоизы, за ней тотчас же пошлют. Но вашего стада южных шутов я не приму. Все эти дни у меня был преважный желудок, боюсь, как бы лангедокское пирожное не набило мне оскомины. Я вообще недолюбливаю монахов; а твой монтобанский певчий дрозд довел бы меня до богохульства. Позаботься, Драго, чтобы с ним занялись. Или нет! Пусть они сами забавляются... своими песнями, господи помилуй! А вы, – обернулся он к Богену, – ступайте, приведите мадам Элоизу!

Боген вышел за занавес позади короля, а старик остался сидеть в задумчивости, кусая свои пальцы.

Изнутри палатки прокралась мадам Элоиза французская – худенькая девушка с бледным, печальным личиком, окутанным черными волосами, как у шутов на сцене. Судя по тому, как она оглядывалась на всех поочередно своим неподвижным взглядом, Ричард подумал, что она, верно, не в своем уме, но все-таки он тотчас встал перед ней на одно колено. Принц Джон резко отвернулся, а старый король насупился, наблюдая, что будет делать Ричард. Принцесса, вся в черном, казавшаяся в полубомороке, неуклюже прижалась к стене, словно стараясь увернуться от удара кнута. «Зажилась ты в Англии, бедняжка! – подумал Ричард. – Но почему она вышла из палатки короля?»

Невеселая то была встреча, а король не выказывал желания как-нибудь помочь беде. Когда мадам Элоиза, крадучись и кружа по палатке, остановилась наконец у его кресла с поникшей головой, он начал говорить с ней по-английски: Ричард заметил, что отец и брат знали этот язык, незнакомый ему. «Его милости, кажется, угодно смеяться надо мной, – говорил сам себе Ричард. – Что за мертвечина эти угрюмые слова! По-английски, кажется, люди не говорят, а стучат языком».

И в самом деле, настоящего разговора не было: король или принц говорили, а Элоиза лишь смачивала себе губы языком. Она только смотрела на старого тирана, и то не в глаза, а выше, в лоб; и ее взгляд напоминал дрожащего, загнанного зайца.

«Она у него в руках, и душой, и телом», – подумал Ричард.

Колено у него стало болеть, и он поднялся.

– Светлейший государь! – начал он на своем языке.

Элоиза вздрогнула. Король сказал:

– А, Ричард! Ты еще здесь, человек?

– А где же еще, мой повелитель? – переспросил сын.

Отец посмотрел на Элоизу.

– Соболаговолите, мадам, признать в этом бароне сына моего, графа Пуату, – сказал он. – Да будет ему дозволено, мадам, приветствовать ту, к которой он стремился из такой дали, с таким смирением, черт возьми! Вашу белую ручку, Элоиза!

Странная девушка затрепетала, но все-таки протянула свою руку. Ричард, целуя ее, почувствовал, что она ужасно холодна.

– Надеюсь, сударыня, мы познакомимся друг с другом получше, но я должен вас предупредить, что не владею английским языком. Позвольте надеяться, что в нашем милом краю вы вспомните свой французский язык.

От дамы Ричард так и не получил ответа, зато он, ей-богу, разозлил отца.

– А мы надеемся, Ричард, что вы научите мадам чему-нибудь получше, – просопел старик свой вызов на бой.

– Молю Бога, чтобы мне не пришлось учить ее чему-нибудь худшему, господин мой! – возразил сын. – Вы согласитесь, может быть, что для дочери Франции ее родной язык может пригодиться.

– Как и английский, граф, для сына Англии! – вскричал отец. – Или для его жены, клянусь обедней, если только он достоин иметь жену!

– Об этом, сэр, нам следовало бы побеседовать, когда у вашей милости будет досуг, – медленно проговорил Ричард.

«Иисусе Христе! – подумал он. – Он хочет, кажется, приковать меня к ледяной глыбе? Что с ней такое?»

Король прервал его думы тем, что отпустил мадам Элоизу, отослал всех присутствующих и удалился сам. Он страшно устал, весь побелел и задыхался.

Ричард видел, что отец пошел, вслед за принцессой, в глубину палатки, за занавес: и снова подозрения обеспокоили его.

Когда за ними вслед хотел было скользнуть и Джон, граф решил, что надо положить этому конец. Он хлопнул юношу по плечу и сказал:

– Брат, на пару слов!

Джон, подсакивая, вернулся назад. Они остались в палатке вдвоем.

Этот Джон, *Безземельный*, как называли его на разных языках¹⁹, был слабым снимком со своего брата. Кривошей, сухой, как тростник, и с сапунцом, он был ростом меньше, тощее, с синими, но более светлыми глазами, которые притом выпучивались, тогда как у Ричарда они сидели глубоко. Словом, разница была не столько в самих чертах, сколько в их размерах. Ричард был богатырского, но красивого, ловкого сложения; у Джона руки были чересчур длинные, голова чересчур мала, лоб чересчур узок. У Ричарда глаза были расположены, пожалуй, слишком далеко один от другого; у Джона – положительно слишком близко. Волнуясь, Ричард ломал себе пальцы, Джон кусал губы. Ричард, нагибаясь, наклонял только голову, Джон – голову и плечи. Когда Ричард откидывал голову назад, перед вами был лев; Джон, когда трусил, напоминал загнанного волка. В такие минуты Джон ворчал, Ричард тяжело дышал, раздувая ноздри. Джон скалил зубы, когда злился, Ричард – когда был весел... Можно было насчитать еще тысячу различий между ними и все таких же мелких. Но, Бог свидетель, и названных довольно.

Свойства кошко-собачьей природы анжуйцев были отлично распределены между братьями. У Ричарда было самодовольство кошки, у Джона – подчиненность собаки, у Джона – скрытность кошки, у Ричарда – запальчивость собаки. В душе Джон был вор.

Он ненавидел и боялся брата. Оттого, когда тот сказал: «Брат, на пару слов!» – Джон попытался скрыть свой страх под личиной отвращения, и получилась кислая улыбка.

– Охотно, милый братец, тем более что...

¹⁹ Сына Генриха II, Джона, называли Безземельным, т. к., деля свое наследство, отец не дал ему удела.

Ричард оборвал его прямым вопросом:

– Что такое приключилось с этой дамой?

Джон был приготовлен к этому вопросу. Он только поднял брови и сказал, разводя руками:

– Ты еще спрашиваешь? Ах господи! Волнение... Чужая в чужой стране... Припадок лихорадки... Уж эти женщины! Кто их разберет? Так давно из Франции... Страх за брата своего, страх за тебя... Мало ли еще чего! Глупенькая она... Ах, братец, братец!

Ричард круто оборвал его:

– Ставь точку, точку! Ты затягиваешь меня в болтовню! Твои объяснения не объяснят ничего. Еще слово. На кой черт она здесь?

Ричард избрал прямой путь. Джон запнулся:

– У нее здесь... второй отец... любящий опекун...

– Пой! – произнес только Ричард и повернулся к выходу, а Джон проскользнул за занавес. И в ту же минуту Ричард услышал там слабое тоскливое всхлипывание, только не рыдания смертной дамы.

«Что, господи прости, творится тут, в этой семейке?» – спросил себя Ричард, пожимая плечами, и вышел на свежий воздух.

Аббат замечает, что его господин и повелитель прибежал к нему и «навалился на меня, словно влюбленный после долгой разлуки со своей милой. „Мило, Мило, Мило! – воскликнул он три раза подряд, как будто мое имя могло оказать ему поддержку. – Поживи и увидишь деревяшку на престоле Англии!” – так он и сказал престранно».

Глава IV

Как Жанна пригласила то, что взъерошила Элоиза

Когда граф Сен-Поль явился в Париж, он прежде всего нашел, что цель его поездки – вещь щекотливая: и правда, трудненько совещаться в столице короля с союзниками короля о том, как бы вернее помешать этому же королю. Как и следовало ожидать, оказалось, что он может сделать немного или вовсе ничего в этом направлении. Король Филипп французский был занят подготовлением к пышной встрече своей сестры Элоизы: герольды уже готовились ехать за ней. Николай д'Э и барон де Креси должны были их сопровождать. Король Филипп думал, что Сен-Поль как раз пригодится ему в качестве третьего посла, но тому это было вовсе не под стать.

Граф отправился к своему родственнику, маркизу Монферрату, тяжелому на подъем итальянцу, который сказал ему мало утешительного. Маркиз только посоветовал своему «доброму кузену» лучше помочь ему самому взойти на иерусалимский престол.

– Разве мало с вас одного короля на всю семью? – спросил он.

Сен-Поль язвительно ответил, что вполне довольно, но что Анжу гораздо ближе Иерусалима... Сверх того, он намекнул, что ходят в изобилии разные странные слухи насчет истории с мадам Элоизой.

– Если вам, Эд, нужна требуха, – сказал на это Монферрат, – не обращайтесь ко мне. Но я знаю такую крысу, которая может вам оказать услугу.

– Как ее звать, вашу крысу? Больше мне ничего от вас не надо.

– Кто ж, как не Бертран де Борн? – ответил Монферрат.

Этот Бертран де Борн был все равно что терние, засевшее в теле анжуйцев, ядовитый придаток к их хозяйству, без которого они никак не могли обойтись. Сен-Поль знал прекрасно ему цену: он решил, что надо отправиться к нему лично в его землю. И он, конечно, поехал бы, но его государь судил иначе. Сен-Поль получил приказание сопровождать в Лювье герольдов, и ему пришлось ограничиться отправкой посла к трубадуру с письмом, в котором говорилось, какое счастье привалило великому графу Пуату. Он знал, что это заставит Бертрана высунуть жало.

Не очень-то скоро прибыли французы в Лювье, зато тотчас же началась потеха. Сводить пуатуйца с нормандцем или анжуйца с анжуйцем – все равно, что смешивать лед с огнем. Вельможи выступали петухами, пряча под бархатом свои когти; рыцари ссорились напропалую; оруженосцы следовали их примеру. Были даже открытые схватки. Так, например, Гастон Беарнец поссорился с Джоном Боттором, и они дрались на ножах во рву. Затем сам граф Ричард взял себе одного из ястребов брата и не хотел его отдать. Из-за этой долговязой птицы с десяток благородий бились на мечах, сам граф Пуату отвечал за шестерых и кончил тем, что до крови избил своего брата рукояткой меча.

Так продолжалось целую неделю или больше, а в это время старый король, как сумасшедший, рыскал на охоте целые дни и предавался постыдным порокам ночи напролет. Ричард редко видел его и французскую даму. Словно бледный призрак, печально появлялась она на зов короля и так же печально исчезала по первому его знаку. Когда бы она ни появлялась, подле нее непременно вертелся и принц Джон с тревогой на лице; затем слышался голос рябого клюнийца, который поучал принцессу насчет богословия и спасения души скучнейшими речами без ответов. Все это было далеко не весело. Что же касается Элоизы, Ричард был убежден, что она – унылополоумная, и он сам становился тоскливым, раздражительным, сварливым. Оттого-то он сначала обобрал, а потом исколотил своего брата.

После того принц Джон скрылся на время, нянчась со своими синяками, и Ричард мог настолько приблизиться к мадам Элоизе, чтобы говорить с ней. Она даже сама позвала его

к себе как-то поздно ночью, когда – как ему было известно – король где-то кутил вне дома, приправляя свои обыденные утехы ужинами в разных притонах разврата.

Пожав плечами, Ричард повиновался и пошел на зов. Его приняли со смущением. Дама, рассеянная как всегда, сидела в кресле, съезжившись. Рядом стоял клюниец, это воплощение смертельной скуки. Одна или две женщины попятнулись в испуге за королевский трон. Сама Элоиза, как только увидела, кто такой ее посетитель, принялась дрожать.

– О-о! – прошептала она. – Вы пришли меня убить, мой повелитель?

– Помилуйте, мадам! – поспешил сказать Ричард. – Да я готов служить вам совсем иначе, и я предполагал, что имею на это право. Ведь я пришел сюда по вашему приглашению.

Она провела по лицу рукой раз-другой, как бы сгоняя с него паутину. Одна из женщин жалобно, с мольбой взглянула на Ричарда, но тот не обратил внимания. Монах что-то пробормотал себе под нос, затем сказал графу вслух:

– Вы видите, господин мой, мадам чересчур утомлена.

«Еще бы, негодяй! Это – твоих рук дело», – подумал граф.

– Надеюсь, – перебил он вслух, – ее милость дозволит вам удалиться, сэра.

В ответ на это мадам махнула своим приближенным рукой, чтобы они удалились, и продолжала махать еще долго после того, как они все вышли. Так она осталась наедине со своим будущим повелителем. На ее испитом личике были еще следы дивной красоты – красоты сочетания черного с белым; но вид у нее был такой, как будто она дружила с привидениями. Ричард был с ней очень любезен. Он подошел поближе и сказал:

– Мне больно видеть вас, мадам, в таком состоянии...

Она перебила его вопросом:

– Они хотят, чтобы вы на мне женились?

Он улыбнулся.

– Наши повелители желают этого, мадам.

– Вы уверены в этом?

– Я только потому сюда и явился, что твердо уверен.

– И вы желаете...

– Я желаю, – поспешно, отрывисто перебил он ее, – только двух вещей – блага моему государству и вам! Если я еще желаю чего-либо, так это – Бог мне свидетель! – единственно сдержать свое обещание.

– Какое обещание?

– Вы видите, мадам: я ношу знак Креста Господня на плече.

– Ну, это – дело рук Господних! – промолвила она, со страхом глядя на крест.

Она принялась поспешно ходить по комнате, разговаривая сама с собой. Ричард не мог хорошенько разобрать, что она говорила: толковала она и про веру и про время:

– Надо бы сейчас же это сделать, сейчас! О, внемли мне, Пастырь Израиля!

Потом, дико взглянув Ричарду в лицо, Элоиза прибавила:

– Странное, не женское дело! Нельзя возлагать на меня такого дела...

Потом, ломая руки и не сводя глаз с Ричарда, она принялась кричать:

– Фу, яд, яд, яд!..

«Бедная женщина, – подумал он. – Она ведь одержима бесом: стало быть, не жена мне. Во мне и без того много бесовского!»

Затем он проговорил вслух:

– Что мучает вас, мадам? Скажите мне, в чем ваше горе, и, клянусь жизнью, я вам помогу, как сумею.

– Нет, вы не можете пособить мне... Никто не поможет!

– В таком случае, с вашего позволения... – он подошел к выходу, – я позову слуг вашей милости. Обсуждать это дело мы можем и потом: времени у нас достаточно.

Элоиза остановила бы его, если бы у нее хватило смелости или силы. Но она буквально истошилась: едва успели войти к ней ее женщины, как она свалилась. Смущенный Ричард решил выпытать у отца всю правду во что бы то ни стало, на другой же день. Он так и сделал, и, к его величайшему изумлению, король принялся говорить с ним рассудительно, вместо того, чтобы браниться. Он сказал, что мадам Элоиза – девушка слабая, болезненная и, по его мнению, ей нужно только то, что и всем молодым женщинам – мужа. Она слишком предана монастырю; ей являются видения, она подавлена строгостью правил, ничего не ест и реже стоит на ногах, чем на коленях.

– Впрочем, сын мой, все это ты можешь по-своему исправить, – заметил король Генрих. – Все эти капризы, припадки скуки, тоска, мечты. Пуф! Ты можешь рассеять их одним поцелуем. Еще не пробовал, нет? Что? Слишком холодна? Но тебе следовало бы...

И пошел, и пошел...

В тот же день, уже поздненько, прибыли французские послы, в их числе Ричард увидел графа Сен-Поля.

Никогда не нравился ему этот граф, вернее сказать, он просто не выносил его. Но Сен-Поль был родной Жанне. Она даже несколько отражалась в нем: его окружало ее таинственное благоухание, его озарял луч ее обаяния. Ошеломленному, истомленному, мрачному, несколько выбитому из седла Ричарду показалось, что Сен-Поль не походит на своих товарищей. Вследствие этого, он приветствовал его более, чем с простым радушием, к прискорбию Сен-Поля. Ричард заметил это впечатление, и вдруг ему подумалось, что ведь такое обращение должно было служить жестокой обидой Сен-Полю.

«Черт побери, что это я затеял? – восклицал Ричард про себя. – Мне должно быть стыдно смотреть в лицо этому молодцу, а я веду себя с ним, как брат».

– Сен-Поль! – тотчас же обратился он к брату Жанны. – Мне хотелось бы с вами поговорить: это даже мой долг перед вами.

– Я весь к услугам вашей милости, – с чопорным поклоном отвечал Эд. – Когда и где вам угодно...

– Идите за мной, как только покончите со всем этим шутовством, – решил Ричард.

Спустя час его приказание было исполнено. По своему обыкновению он пошел напролом:

– Сен-Поль! Полагаю, вам известно, где мое сердце – здесь или в другом месте? Я желаю, чтобы вы поняли, что в данном случае я поступаю против личной моей воли, против моего собственного убеждения.

Даже для Сен-Поля прямо эта царственной природы была несомненна.

– Но, государь мой... – забормотал Сен-Поль, в котором благородное чувство боролось с озлоблением.

Ричард прервал его:

– Если вы сомневаетесь – что вполне вам разрешаю – я готов вас убедить: я поеду с вами, куда вам будет угодно и отдаю себя в полное ваше распоряжение... Помните только, что это решение будет бесповоротно. Еще раз говорю вам: я это сделаю! Хотите оставаться здесь или поехать со мной?

Сен-Поль проклинал свою судьбу: он ведь был приставлен к этой французской девчонке.

– Господин мой! – проговорил он. – Я не могу вам повиноваться: моя обязанность везти мадам в Париж. Такова воля моего повелителя.

– Ну, так мне придется ехать одному. И я поеду. Еще раз повторяю! Мне до смерти все это надоело!

– Господин мой Ричард! – вскричал Сен-Поль. – Я не смею приказывать, но и я скажу: поезжайте! Я не знаю, что произошло между вами и моей сестрой Жанной, но я хорошо знаю одно: было бы странно, если бы вы не сумели склонить на свою сторону такого судью.

Он рассмеялся недружелюбно.

Ричард окинул его холодным взглядом.

– Если бы было в моей воле, друг мой, – проговорил он, – я не потерпел бы ничего посредничества.

– Но это предложение было сделано не мной, государь мой, – возразил Сен-Поль.

– Да иначе и не могло быть, – резко заметил Ричард. – Я сам решил так, так как считаю, что каждая благородная дама имеет право по своему усмотрению располагать своей особой. Она меня любила...

– Я думаю, сэра, она ваша и сейчас.

– Вот я в этом-то и намерен убедиться, – заметил Ричард. – Но довольно об этом! Какие новости у вас в Париже?

Сен-Поль не мог удержаться: у него давно был готов сорваться с языка весь запас известий, которые он получил с юга.

– Там очень восхищаются одной сирвентой Бертрана де Борна.

– Какого содержания эта сирвента?

– Непристойного. Он назвал это – «Сирвента о королях», а сам в ней говорит много дурного о вашем ордене.

Ричард засмеялся.

– Я уверен, что тут ему и книги в руки, и недаром. Я думаю, не поехать ли мне повидать Бертрана?

– О, государь мой! – многозначительно проговорил Сен-Поль. – Он вам наговорит много хорошего, но много и не совсем хорошего.

– О, наверно! Уж у него такая привычка, – заметил Ричард.

Ему не хотелось теперь никому поверять свои думы, не хотелось искать помощи против осаждавших его соблазнов. Он ведь всегда и все делал по-своему: и это было как бы его право, его *«droit de seigneur»*²⁰, естественный закон, в силу которого глупцы подставляют свою шею под пята людей, сильных духом. Но что из этого? Ричард знал, что желаемое всегда у него под рукой, знал, что он может завладеть снова Жанной, когда ни пожелает. И ни король английский, ни король французский, ни Вестминстерский Совет, ни Имперский Сейм²¹ – ничто не в силах помешать ему, если захочет. Но этого-то именно он и не хотел теперь, он сам сознавал это. Подавить ее потоками излиятий любви, чувствовать, что она вся трепещет, пугается, теряет самообладание от волнения своего сердца, принудить ее, сломить, укротить, когда в ней всего прекраснее ее молодые силы, ее юный гордый дух... Нет, никогда, хоть поклясться Крестом Господним!

Уважать в девушке то, что сдерживает ее – не это ли истинная любовь, на какую только способен мужчина? Ричард именно только потому и приблизился к этому идеалу, что был скорее поэтом, чем любовником. Можете, если угодно, сомневаться (вместе с аббатом Мило), был ли он способен на любовь: я и сам сомневаюсь. Но он, бесспорно, был поэт. Он видел Жанну в полном блеске и был благодарен за это видение. Приближаясь к ней, он чувствовал, будто достигает небес, но в то же время не стремился ей обладать. Может быть, он удовлетворялся сознанием, что она ему уже принадлежала: это во вкусе поэтов. Во всяком случае, он так мало сгорал страстью, что, поодумавшись, послал в Сен-Поль-ля-Марш Гастона Беарнца с письмом к Жанне, в котором говорилось: «Через два дня я с тобой увижусь в последний раз или навсегда, как ты пожелаешь». А сам тем временем вооружился терпением на назначенное число часов.

²⁰ Права сеньора.

²¹ Вестминстерский Совет – это английский парламент. Имперский Сейм – собрание князей Германии под председательством императора.

Гастон Беарнец – замечательно-романтическая личность для наших туманных краев. Бледный, черноглазый, с курчавой бородкой, он ехал себе в своем светло-зеленом наряде, распевая. Он велел доложить о себе сударыне, назвавшись Дитя Любви. Увидя ее, он коснулся ее ноги поцелуем.

– Чудесная Звезда Севера! – проговорил он, преклоняя колени. – Я привез топливо для твоих неизреченных огней. Наш Король Влюбленных и Влюбленный Король весь у ваших ног, а вздохи его – в этой бумажке.

Он говорил как по писаному и ловким движением руки подал ей сверток. Ему было приятно видеть, что Жанна тотчас же прижала руку к сердцу, как только взяла бумагу; но больше ничего не последовало. Она пробежала письмо, не сморгнув и гордо держа голову.

– Прощайте, сударь! – наконец промолвила она. – Я приготовлюсь встретить моего повелителя.

– А я, сударыня, – сказал Гастон, – буду ждать его в лесу, согласно обету, который я дал своему святому, не предаваясь сну, не принимая пищи, покуда он не достигнет исполнения своих пылких желаний. Прощайте, сударыня!

Он удалился выполнять свой обет. Целый день, целую ночь темная лесная чаща была оживлена его веселой песней: он пел почти все время, не переставая, с неиссякаемой бодростью. А Жанна провела часть этого времени в часовне, скрестив руки на своей прекрасной груди. Бог в ее сердце боролся с Богом на алтаре. Она не произносила молитв, но, покидая часовню, отправила гонца за Жилем Герденом – за тем тупоносым рыцарем-нормандцем, который так глубоко ее любил, что ничего не говорил об этом.

Этот самый Герден, рыская по лесу, наткнулся на Гастона Беарнца, нарядного, как цветущее дерево, и распевającego, словно какой-нибудь вдохновенный инструмент. Заметив это удивительное видение, он потянул поводья и нахмурился. Такова обыкновенная встреча нормандца. Гастон принял его как бы за часть общего вида этой местности, мрачной, располагающей к унылым напевам.

– Добрый день, прекрасный господин! – произнес Жиль, а Гастон махнул рукой и продолжал идти, распевая во все горло. Тогда Жиль, который спешил, попытался проехать мимо, а Гастон сложил руки и промолвил:

– Ах ты, бык! Тут нет пропуска никому, кроме смельчаков.

– Прочь, попугай! – воскликнул Жиль и углубился в лес.

Только благодаря тому, что Гастон дал клятву, не было тогда пролито ни капли крови, но он надеялся, что пустит ее в свое время. Оттого-то он заметил: «Вон поехал покойник!» – и снова принялся за свои песни.

А Жанна, слыша конский топот, выбежала навстречу всаднику. Лицо ее вспыхнуло.

– Войдите, войдите! – сказала она и взяла его за руку.

Он последовал за ней с бьющимся сердцем, не смея и не зная, как вымолвить слово. Жанна повела его в маленькую темную часовню.

– Жиль! Жиль! – воскликнула она, задыхаясь. – Жиль, любите ли вы меня?

Он как-то вдруг охрип и едва мог выговорить от схваток в горле.

– О боже! – прошептал он задыхающимся голосом. – Боже, как я люблю вас, Жанна!

И он двинулся вперед, заметив какое-то волнение в ее глазах. Но Жанна протянула обе руки, отстраняя его.

– Нет, Жиль, нет еще! – грустно зазвучал ее голос. – Сначала выслушайте меня. Я не люблю вас, но мне страшно... Сюда придет... Вы должны быть подле меня, чтобы мне помочь... Я отдаюсь вам, я буду вам принадлежать... Так надо... Другого нет исхода!

Она остановилась. И можно было расслышать, как бьется его сердце.

– Так отдавайся! – сказал хриплым голосом Жиль и схватил ее.

Она почувствовала, будто погрузилась в море огня, но стиснула зубы и терпела это смертельное пламя. Бедный парень поцеловал ее только разок-другой, и не так крепко, как анжуец. Но сладость зависит от степени возможности: Жиль все-таки делал первый шаг к обладанию и удовлетворился этим. Затем рука об руку оба, обладатель и обладаемая, дрожа, стали перед мерцающей лампадой, озарявшей лик Сына Божия, и начали ждать, что случится дальше.

С полчаса спустя Жанна услышала долгие, ровные шаги, которые были ей хорошо знакомы, и глубоко вздохнула. Вслед за тем и Жиль что-то услышал.

– Кто-то идет. Кто это? – прошептал он.

– Ричард Анжуйский. Теперь мне нужна ваша помощь.

– Вам нужно было меня, чтобы...

Жиль в простоте своего сердца думал, что его позвали убить графа. Но она скоро его разубедила в этом:

– Убить Ричарда?.. Нет, Жиль: тебе не под стать убивать его.

Жанна отрывисто засмеялась, и это не особенно понравилось любящему ее человеку. Жиль все-таки схватился за меч. Граф Пуату появился на пороге и увидел их рядом друг с другом.

Только этого недоставало, чтобы разжечь тлевший в нем огонь. В нем проснулась ярость тигра, прилив ревности, какой-то не совсем чистой гордости. Как вихрь, рванулся он вперед, подхватил девушку на руки, поднял ее на воздух и заглушил ее вопль криком:

– Моя Жанна! Моя Жанна! Кто смеет?..

Жиль дотронулся до его плеча. Как молния обернулся к нему Ричард, крепко обнимая Жанну. Быстро, отрывисто дышал он носом. Жиль подумал, что настал для него смертный час, но попытался вполне воспользоваться им.

– Тебе чего, пес? – проворчал сухощавый Ричард.

– Пустите ее, сударь мой! – ответил тучный Жиль. – Она просватана мне.

– Сердце Господа! Это еще что такое?

Ричард откинул голову и посмотрел на соперника, как змея, выбирающая место, куда ужалить.

– Это правда, девушка?

Жанна подняла голову с его плеча, где скрывалось ее лицо. Говорить она была не в силах, а только кивнула головой.

– Так это правда? Ты помолвлена?

– Да, я помолвлена, господин мой. Пустите меня!

Он сразу выпустил ее из рук и поставил на ноги между собой и Герденом. Тот двинулся вперед, чтоб взять ее снова за руку, но, взглянув на Ричарда, остановился. Граф продолжал свои расспросы. Судя по наружности, он был спокоен, как снежное поле.

– От чьего имени ты просватана за этого рыцаря, Жанна? От имени твоего брата?

– Нет, сударь. Я сама дала обещание.

– Значит, я для тебя ничто?

Жанна зарыдала.

– О! О! – застонала она. – Вы для меня все, все на свете!

Он отвернулся от нее и, глубоко задумавшись, стоял перед алтарем, скрестив руки. Жиль был настолько умен, что молчал. Жанна задыхалась. В сущности, Ричард был тронут до глубины души и способен на всякую жертву, которая могла бы равняться ее жертве.

Ведь он должен был всегда и во всем быть впереди всех, даже в великодушии. Но в ту минуту им управляло чувство лучшее, нежели тщеславие. Когда он повернул свое спокойное, чистое лицо снова к Жанне, в нем не осталось ни тени анжуйца: все словно вдруг спалилось в огне.

– Как имя этого рыцаря? – спросил он.

– Жиль де Герден, – отвечала Жанна.

– Ну, поди же сюда, де Герден! – воскликнул он.

Жиль преклонил колени пред сыном своего властелина. Жанна тоже была готова пасть перед ним на колени, но он крепко держал ее за руку и не позволил бы этого.

– Ну, Жиль, слушай, что я тебе скажу! – начал Ричард. – Нет на свете ни дамы, более благородной, чем эта, ни мужчины, который был бы более предан ей, чем я. Сегодня я исполню ее волю, но как можно скорей, чтоб не поддаться дьяволу. Верный ли ты человек, Жиль?

– Господин мой, стараюсь быть таким, – ответил Герден. – Отец ваш посвятил меня в рыцари. Я же любил эту даму с той поры, как ей было еще только двенадцать лет.

– А состоятельный ты человек, друг мой?

– У нас хороший лен, сударь: мой отец держит его от Руанской церкви, а также от церкви герцога. Я несу военную службу со своей сотней копьеносцев где случится, даже в качестве дорожного стражника, если не представляется ничего лучшего.

– Если я отдам тебе Жанну, что ты дашь мне взамен?

– Мою признательность, мой добрый господин, мою преданность и долговечную службу.

– Встань, Жиль! – произнес Ричард.

Жиль поцеловал его в колено и встал на ноги, а Ричард вложил в его руку ручку Жанны и сам удержал их вместе в своей руке.

– Боже, помоги мне так, как я помогу тебе, Жиль, если из этого выйдет что-нибудь дурное! – проговорил он резко.

Его слова как бы просвистели в воздухе, а Жиль посмотрел прямо ему в лицо. Ричард смерил его взглядом и убедился, что Жиль – честный мальчик. Затем он поцеловал Жанну в лоб и вышел, не оглядываясь назад. На опушке леса он нашел Гастона Беарнца, который сосал свои пальцы.

– Проходил тут какой-то черный рыцарь с лицом, словно сырое мясо, и с такой постылой хмуростью, какой я еще никогда не видел, – заметил юный весельчак. – Полагаю, его уже нет в живых?

– Я дал ему нечто такое, что должно вылечить его от хмурости и послужить к оправданию цвета его лица, – ответил граф. – Мало того, я дал ему возможность обрести жизнь вечную... О, Гастон! – вдруг воскликнул он. – Едем на юг! Там солнышко светлыми пятнами ложится на дорогу, там благоухают апельсины... Едем на юг, дружище! Мне чудится, что я сейчас беседовал с ангелом небесным. И теперь-то, когда я дал ей крылья и она отлетела от меня, я начинаю познавать, как горячо я ее люблю! Скорей, Гастон! Мы уедем на юг и там увидим Бертрана, и сложим еще много песен про добрых женщин и про бедных мужчин.

– Черт поberi! – воскликнул Гастон. – Я еду с вами, Ричард, потому что я тоже бедный: два дня у меня во рту не было ни крошки.

Так выехали они из леса Сен-Поль-ля-Марш. Ричард принялся распевать про Жанну Чудный Пояс. Никогда не любил он ее так, как теперь, потеряв возможность любить...

Глава V

Как состязались в пении Бертран де Борн и граф Ричард

И днем и ночью пел Ричард о Жанне. Он был вне себя от волнения, его поэтическое настроение достигло высшей степени возбуждения. Вся местность принимала в его глазах ее окраску, ее облик, ее прекрасный, благородный вид. Выпуклые холмы Вексена напоминали ее перси; леса, облитые пылающим золотом, походили на ее рыжеватые волосы; в тихих зеленоватых водах он читал тайну ее прекрасных глаз; в молочных волнах октябрьского тумана виднелись ее спокойные брови. Ровный свет Босы, такой благодетельный и вместе с тем строгий, был изображением ее души. Чудным поясом охватывали Турень реки Вьенна и Луара: чудно опоясывалась Жанна, с ее девственной лентой на поясице, со щитом синего льда на сердце. Все дальше по дороге на юг, до самого Тура, не прекращались хвалебные песни: Ричард был неутомим в своей погоне за сравнениями. Но вот Пуатье, его родина, страна более знакомая! И по мере того, как Ричард взбирался по серым вершинам Монтагрье и уже виднелась цель странствия, он превращался в ученого толкователя старины: он изъяснял свои былые восторги.

– Гастон! Не вздумай уверять меня, что моя Жанна была мне неверна, – объявил он. – Никогда она не принадлежала мне так всецело, как в ту минуту, когда отдалась другому, никогда не любила меня горячее! Такова сила, дарованная женщинам, что они управляют вселенной. Это – сила Сына Божия, который Сам принес Себя на заклание и сделал нас Своими палачами из любви к нам. Я исполню свой долг: обвенчаюсь с этой французской девицей, и среди пыла страсти она не угадает никогда, что, в сущности, в моих объятиях будет Жанна. – Глаза его наполнились слезами. – Мы с ней будем венчаны на небесах, – прибавил он, вздыхая.

– *Deus!* – воскликнул тут Гастон. – Но, Ричард, такие браки могут прийтись по вкусу скорее небесам, чем людям. Человек – животное чувственное.

– Но в нем есть и душа, – возразил Ричард. – Только она так глубоко запрятана, что до нее могут добраться лишь тонкие девичьи пальцы. И, чувствуя это прикосновение, человек сознает, что в нем душа еще жива. Оставьте меня наедине с самим собой: я не весь еще погряз, не весь предан дьяволу! Я исполню свою обязанность, женюсь на этой французской девице, а любить буду, пока жив, мою золотую Жанну!

– В вас говорят зараз и король и поэт, – заметил Гастон. И он верил этому.

Уже смеркалось, когда они прибыли в Отафор, скалистый замок на границах Перигора, принадлежавший Бертрану де Борну.

По наружному своему виду, да и на самом деле, это был разбойничий вертеп, хотя расположился в нем поэт. Его стены были просто продолжением обрывов, над которыми стоял замок, а его башни уходили в небо, как горные вершины, только поострее. Здание возвышалось над двумя водопадами. Доступ к нему был лишь с одной стороны, и то только по скале. Оттуда далеко, на много лье, виднелись дороги через долины и усеянные утесами покатоности холмов. Задолго перед тем, как Ричард появился у ворот, владельца Отафора предупредили о его приближении, и он уже успел поглядеть украдкой со своих высот на своего сюзерена, подымавшегося в гору.

– Вороны попробуют Ричарда прежде, чем он успеет заклевать меня, – проговорил Бертран де Борн и приказал поднять мост и опустить решетки. И замок Отафор предстал перед вновь прибывшими во всей своей наготе.

Гастон засмеялся:

– Вот аквитанское гостеприимство – гостеприимство твоего герцогства, Ричард!

– Клянусь головой! – воскликнул граф. – Если я вообще сегодня буду спать в подзвездном мире, то просплю эту ночь в замке Отафор. Но, послушай, как я приворожу этого крамольника.

И Ричард крикнул во все горло:

– Эй, Бертран! Сойди-ка вниз, человече!

Окрестные холмы вторили его крику. Галки кругом вились под башенками. Вдруг появился человек и заглянул в решетку. Ричард узнал его.

– Это ты, наконец, Бертран? – крикнул он.

Ответа не было, но слышно было, как соглядатай тяжело дышал у своей дыры.

– Вылезай из своего подземелья, рыжая лиса! – заворчал на него Ричард. – Покажи холмам свою печальную морду, посопи тут, под открытым небом. Я отогнал бичом всех собак: отца моего здесь нет! Неужели ты захочешь умереть с голоду своего сюзерена?

В ответ отодвинулись засовы, с громом спустился подъемный мост, и вышел Бертран де Борн. То был человек красивый, сильный, беспокойный, с возмущенным красным лицом, с сердитым взглядом, с обстриженными волосами и бородой, слишком тучный для своего платья, человек-огонь, порыв, ярость. При виде этого неугомонного ругателя, этого извивающегося хитреца, Ричард откинул назад голову и рассмеялся долгим громким смехом.

– О ты, творец твоих собственных тревог и удушливых сновидений! Скажи, какое зло могу я причинить тебе? Ни десятой доли твоей пустыни! Иди же прямо сюда, мастер Бертран, и прими то, что я тебе дам.

– Клянусь Богом, господин мой Ричард! – начал тот, страшно оробев. Но так как господин ждал, то он вышел, наконец, бочком, а Ричард соскочил с коня, взял хозяина дома за плечи, потряс его хорошенько и поцеловал в обе щеки.

– О ты, злокозненный, красный разбойник, певец мыслей Господних! Клянусь, я люблю тебя, несмотря на все это, хоть, собственно, я поступил бы лучше, если б свернул тебе шею. Ну а пока дай нам поесть, попить и поспать в чистой постели, потому что без всех этих удобств Гастон – погибший человек! Потом мы с тобой примемся распевать песни.

– Войдите, войдите, Ричард! – отозвался Бертран де Борн.

День или два Ричард блаженствовал в золотом спокойствии и носился со своей любимой мечтой, поглощенный думами о Жанне, он ужасался только, что ему придется делить ее с другим. Впоследствии он частенько вспоминал про это время: оно занимало в душе его такое место, вызывало такое настроение, которого не могли превзойти даже минуты самой дикой страсти. Горный воздух, тихий, но животворно обвевающий; высокие горы, дремлющие на солнце; птицы, порхающие в небе, – все вливалось в его душу тот мир, которого он надеялся достигнуть теперь, когда ему удалось совладать со своими низшими страстями. «Теперь, – думалось ему, – я смогу постигнуть ту силу, которую любовь заимствует у Бога и разделяет его с посланцами, ангелами, – это вечное пламя, острое, крепкое».

И вот, однажды, был ясный-ясный день, невероятный для северянина. Воздух был так мягок, нежно лучист, полон истомы и тих, как летний полдень. После обеда Ричард сидел на дворе с Бертраном под лимонными деревьями, близ источника. Над ними вздымались древние белые стены, по которым важно расхаживали голуби, а еще выше виднелся кусочек лазури. Граф принялся говорить о своих делах, о том, что он уже сделал и что собирался сделать.

Бертран был завистливая душа. Вы скоро услышите, что говорит о нем аббат Мило, который больше всех имеет право на это. Он завидовал Ричарду во всем – завидовал его красоте, его стройной изящной фигуре, его острому, как меч, уму, его прошлым подвигам и настоящему довольству, Бертран, собственно, не знал, чем именно был так доволен Ричард, хотя письмо Сен-Поля отчасти его предупредило, но он был уверен, что найдется, чем расстроить Ричарда.

«Фу ты! Он точно сочный апельсин, – рассуждал Бертран сам с собой. – Но я сумею выжать его досуха».

Если Бертран лелеял в себе одну мысль, то Ричард, в свою очередь, лелеял другую и каждую ночь уносил ее с собой, на сон грядущий. Поэтому теперь, когда Ричард говорил с Бертраном о Жанне, тот не сказал ни слова, выжидая удобной минуты. Но как только он дошел

до мадам Элоизы и до своего долга (эта мысль, собственно, придавала всему окраску), Бертран сделал гримасу.

– Ах ты, плут! – проговорил Ричард, напуская на себя грубость. – Чего ты делаешь мне рожи?

Бертран завертелся, как крышка на кипящем котелке, и вдруг послал мальчика за своей скрипкой. Он вырвал ее из рук посланца и принялся перебирать струны, все время злобно осклабляясь.

– Ну-ка затянем тенцион²², мой прекрасный государь! – воскликнул он. – Устроим тенцион между нами!

– Ладно, ладно. Будь по-твоему, – ответил Ричард. – Я спою о тихом дне, о прелести истинной любви.

– Согласен, – отозвался тот. – А я воспую горечь обманчивой любви. Берите лад: вы ведь принц крови.

Ричард взялся за скрипку и, не зная еще, о чем петь, коснулся нескольких струн. Великая нежность объяла его сердце. Он увидел, как Долг и он сам идут рука об руку по длинному пути ночной порой. Две яркие звезды освещают дорогу: это – очи Жанны...

Один или два часовых тихонько пробрались в верхнюю галерею, наклонились над перилами и прислушивались: соперники были оба сильные певцы.

Ричард запел про зеленоокою Жанну с чудным золотистым поясом, с волосами червонного золота. Он пел романс: «*Li dous consire, quem don'Amors soven...*» По-нашему это будет так:

«Нежные мысли, что внушает порой любовь, словно сотканы из шелка и золота: такова и моя песня. В ней есть красный глухой стон: это – от сердца. Есть тонкий, голубой: этот – от всего девственного в моей душе. Есть золотой, долгий, королевский стон. Есть тут и стон чистый, как хрусталь, холодный, как лунный свет: это – стон Жанны».

Весь дрожа, Бертран выхватил у него из рук скрипку:

– Мой черед петь, Ричард! Мой черед!.. О, не люби меня больше! *Cantar d'Amors non voilh*, – начал он.

«Твои струны скоробились: уж не звучать им стройно! Ведь и любовь скоробит любую песню. Чернеет от нее сердце человека, гложет она душу его. В четырнадцать лет девушка начинает ходить вразвалку, и, глядь, уж короли хрюкают, как кабанье! Цап! Любовь, это – оковы из раскаленного железа, и моя песнь будет жгуча, как это железо, как веленье Жанны. Скажи же, петь ли мне? Ведь крик любви, это – стон человека, который тащится по своему пути с прободенным боком, цвет его – сухо-красный, как запекшаяся кровь. Услышат его люди – и заноят у них все нутро: так он трепещет и пронизывает насквозь! Ведь он вещает только одно – горе да позор».

Бертран не понимал своего противника: он воображал одурманить его таким чадом. Но Ричард опять взялся за скрипку:

– Бертран! Ясно: ты задет за живое, у тебя прободенный бок. Но спроси у своих зудящих пальцев, кто ранил тебя? Сух ты, Бертран, ибо корыто твое сухо, мякина дерет твой рот, но нет тебе другой еды. Конечно, это коробит уши твоих слушателей: ведь стон, человеке, идет из твоего пустого желудка! А я вот опять запою и расскажу тебе про даму с чудным поясом из чистого золота. Под этим поясом бьется пламенеющее сердце, а дух ее – словно сизый дымок, который вылетает, правда, из огня, но взвивается вверх, к небесам. Согретый этим пламенем, я устремляюсь к небесам, как этот дымок, и там, посреди звезд, почитаю с Жанной.

Челюсть Бертрана проворно задвигалась, словно он пережевывал свой язык.

– А, так вот ты как, Ричард? погоди ж, вот я тебя дойму!

И скрипка его завизжала:

²² Тенцион – стихотворение, написанное на заданную тему для состязания.

«Что, если я стану вить веревку наоборот и дам тебе такой толчок, что ты заковыляешь у меня на пути скорби? Что, если в обмен за мой больной желудок я дам тебе больное сердце? Если мои пальцы прободают мне бок, то у тебя найдутся когти еще пораздирательнее. Остерегайся, Ричард, когтей льва: они рвут на части не тело, а честь, и причиняют боль сильнее всякого ножа. Боль? Да, пред тобой царь болезней! Побори его – и тогда смело смотри в лицо горю и позору!»

Очевидно, он знал больше, чем говорил. Его странное волнение, его напряжение, вызвавшее пот, заставили Ричарда нахмурить брови. Он медленно протянул руку за скрипкой; и его холодный взгляд не отрывался от Бертрана все время, пока пел он ему, своему врагу, и судил его своей песнью. Он изменил лад.

«Лев – царь зверей, а я – сын его! В Анжу мы не задираем друг друга, пока не показывается с юга Шакал, который, рыча, суется между нами. Как только мы завидим это нечистое животное, один из нас говорит: «Фи, неужели это твой друг?» А другой: «Как ты смеешь так говорить!» Вот и польется кровь, и Шакалу пожива. Но теперь не пора лизать кровь: нынче ставка в борьбе – Белая Лань, вскормленная французскими лилиями. Теперь она в тихой пристани: она разделит ложе Леопарда, а Лев мирно будет властвовать над лесами, ибо вокруг него царствует мир. А над нами будет сиять звездой Жанна, словно осенняя луна над безлистненным лесом²³».

– Слушай, Ричард! Я скажу еще яснее, – процедил Бертран, стискивая зубы.

Завладев скрипкой, он взял на ней только одну ноту, но так резко, что струна лопнула. Он швырнул скрипку прочь и продолжал без нее, облокотившись на колени и вытянув голову вперед, словно ему хотелось удобнее выплевывать слова.

Вот в чем жало песни: Белая Лань – клятвопреступница. Пристань? Лань слишком долго там оставалась: она искалечена, она растерзана. Не прикасайся к добыче льва, леопард! Ты слишком поздно вышел на охоту: тут ничего тебе, кроме горя и позора!

Больше не протянулась за скрипкой рука Ричарда. Его рот раскрылся, румянец сбежал с его лица. Словно окаменев, прямо, неподвижно сидел он, уставившись глазами в певца, а Бертран все осклаблялся, закусывая губу, и, весь передергиваясь, наблюдал за ним.

– Ну, скажи мне всю правду! – крикнул Ричард глухим, старческим голосом.

– Это правда, как Бог свят, – ответил Бертран де Борн.

Граф поднял голову вверх, как собака, когда она лает на луну. Раздался хохот – не веселый, даже не скрывающий печаль, а самый злой, насмешливый, душу раздирающий хохот. Один из часовых толкнул товарища локтем, но тот отмахнулся. Ричард протянул свои длинные, сжатые в кулаки руки к безмолвному небу.

– Преклонял ли я колена пред успехом? – закричал он. – Склонял ли я когда голову? О милосердный Повелитель! О Судия Израилев! О Отец царствующих! Услышь же притчу о блудном сыне! Отец, я согрешил перед Небом и Тобой, я не достоин больше называться Твоим сыном! О обжора! О блудливый пес!

– Клянусь светом Евангелия, граф Ричард, то, что я пел, чистая правда! – сказал Бертран, все так же осклабляясь и тоже кусая себе ногти.

Его голос остановил Ричарда. Он обернулся, сверкнув на него глазами.

– Эх ты, школьный рифмоплет! В этом единственная твоя заслуга, да и та не вполне тебе принадлежит. Твои шутки – вздор, твой трагизм – кошачье мяуканье, но твои новости, приятель, – слишком богатый материал для твоего горла, этого стока нечистот! Трагизм?! Нет, похуже: комизм!.. О небо! Ну, слушай же теперь!..

И, в горьком сознании позора, он начал изображать пальцами:

²³ Здесь Лев означает французского короля, Шакал – южных мятежных вассалов, а Белая Лань – дочь французского короля.

– Вот тут двое: отец – по воле самого Господа Бога – и сын – по воле своего отца. И молвит отец: «Сынок! Ты – потомок королей. Возьми себе в жены эту женщину, она – тоже царской крови. Возьми, ибо я в ней больше не нуждаюсь». И вот тихонько вылезает изнутри шатра белая тряпица; заметь, откуда она появилась! Сын преклоняет перед ней колени. – «Согласна ли ты взять в мужа моего сына?» – говорит отец. – «Да, душа моя!» – отвечает она. – «Смотри, он все равно что мой портрет», – говорит отец. – «Все же лучше, чем ничего», – говорит она... Милостивый отец, коленопреклоненный сын, сговорчивая дама! Соглашение состоялось и – конец делу!

И Ричард снова захохотал, закинув голову и глядя в сизосерое лицо неба. Затем он вдруг, как молния, сорвался с места и схватил Бертрана за горло. Тот повалился навзничь с подавленным криком, а Ричард пришил его к земле.

– Бертран! Лающий пес! – прокрипел он. – Паршивая собака в моей своре! Если твое рычанье – правда, ты оказал мне и всем моим такую услугу, какой и не подозреваешь. А мне нетрудно сделаться первым богачом во всем христианском мире. Ну, ленивый трус, ты ведь дал мне свободу!

И Ричард вскинул вверх ликующими глазами, бросая свою работу над горлом собеседника.

– Да нет же, нет, Бертран, это неправда! – кричал он, тряся его, как крысу. – Но если это неправда, я вернусь, Бертран!

Вернусь – и вырву твою лживую горловину из ее помещения, а твоим гнилым сердцем накормлю Перигорское воронье!

На губах у Бертрана показалась пена, но Ричард не давал ему пощады.

– Да, коли так, – продолжал он, скрежеща зубами, – я намерен покончить с тобой! Если б только мне не нужно было еще кое-чего от тебя добиться, мне кажется, я тут же и прикончил бы тебя. Но скажи: откуда у тебя эти новости? Говори сейчас: не то мигом очутишься в аду!

Ричарду пришлось дать Бертрану немного приподняться, чтобы добиться ответа, что эти сведения он получил от графа де Сен-Поля. Нужды нет, что это была неправда: при упоминании этого имени в голове у Ричарда помутилось. Весьма смахивало на то, что это было дело Сен-Поля: ему был прямой расчет.

Но на том же основании Сен-Поль мог оказаться и лжецом. Ричард видел ясно, что, во всяком случае, ему необходимо разыскать Сен-Поля сейчас же.

– На коня! На коня, Гастон! – закричал он на весь двор.

На поднятый им гвалт, который одинаково мог предвещать и убийство, и пожар, и разбой или же грех против Святого Духа, сбежалась целая толпа челядинцев.

– На коня, Беарнец, на коня! Где, черт его подери, может быть этот Гастон?

В тот день в Отафоре бес анжуйский, очевидно, сорвался с цепи.

Гастон осторожно явился после всех, поглаживая рукой свою бороду, и увидел, что Бертран де Борн лежит беспомощно под лимонным кустом, у самой стены. Ричард, вне себя, принялся распространяться о случившемся, это его отрезвило. Между тем как Гастон выводил свои заключения, Ричард, вместо того, чтобы его слушать, тоже сам про себя делал выводы.

– Дорогой господин мой, Ричард! – рассудительно говорил Гастон. – И странно и жалости достойно, что вы до сих пор еще не знаете Бертрана: это показывает, что у вас не хватает смекалки. По-видимому, его назначение – быть колючим шипом в анжуйском ложе из роз. Ну что он делает с тех пор, как ему угодно было явиться на свет? Только и знает, что наговаривать вам всем друг на друга. Что он сделал с несчастным молодым королем и с Джеффри? Есть ли во всем мире хоть один человек, которого он ненавидел бы больше, чем старого короля? Ах да, есть: это – вы! Вот вам доказательство. В последний раз, как они оба встретились в этом самом замке, ваш отец, король, поцеловал его, простил ему смерть Генриха и отдал ему обратно Отафор, и Бертран ответил ему поцелуем, чтобы, значит, жить в преизобилии любви.

Иуда, Иуда! Что сделал Иуда затем? Ричард, милый, обдумаем все это немного, только не здесь! Поедем в Лимож и пообсудим вместе с виконтом. Но, во всяком случае, прежде всего убьем Бертрана де Борна!

Как я уже сказал, в продолжение всей этой речи, имевшей много веса, Ричард обдумывал про себя. Он всегда остывал так же скоро, как вспыхивал. Так и теперь: просматривая чудовищную басню поближе справа и слева, он убедился, что если Сен-Поль и разыграл тут роль лисицы, то кто-нибудь должен же был сыграть роль козла. Он невольно вспомнил про Лювье и про некоторые отвратительные тайны, которые оскорбляли его чувства, возбуждали в нем отвращение сами по себе, но не касались его лично. Теперь же все они приняли насмешливый облик, словно безобразные головы страшилища, которые высовываются из тьмы кромешной, чтобы показывать ему язык. За потрясением, которое вызвало в нем первое смущение, последовал приступ ярости – бледной, холодной и смертельной, как ночной мороз.

О, как ему хотелось вонзить свои зубы в чье-нибудь горло! Но нет! Теперь он, Ричард, потихоньку поведет дело, сперва расчистит себе дорогу и подкрадется к добыче. Ведь леопард крадется ползком, чтобы нанести смертельный удар. Ричард обдумал все. Он порешил послать Гастона на юг – в Ангулем, в Перигор, в Оверен, в Кагор. Пусть рог звучит над каждой темной долиной, а ратники охраняют каждую белую ленту дороги! Сам же он поехал в свою столицу, Пуатье.

Бертран де Борн видел, как он уезжал, и до того теребил свои волосы, что они встали дыбом, как тростник, колеблемый ветром. Любил ли он зло, или нет? Многие говорят, что дышал им. Питал ли он зависть к графу анжуйскому, которую еще не успел утолить? Был ли он в заговоре с принцем Джоном, или взаправду воображал, что делает одолжение Ричарду? Пусть это решают философы, знатоки рода человеческого. Если же у него была склонность к трагизму, то он, бесспорно, теперь предавался ей и дал самому себе обильную пищу для новой «Сирвенты на Королей». По крайней мере он чрезвычайно суетился по отъезде Ричарда и сам готовился к продолжительному путешествию на юг.

Глава VI

Плоды Тенциона: тыл Сен-Поля и перед Монферрата

Пока граф Ричард ожидал в Пуатье аквитанских новобранцев, он нашел время написать Жанне Сен-Поль шесть писем. Некоторые из них вместе с посланцами погибли в дороге; волею судьбы Жанна получила только два, первое и последнее. В первом говорилось:

«Я на пути к свободе, но на кровавом пути. Надейся на меня».

Жанна долго собиралась ответить. Можно себе представить, как она, бедняжка, снесла это дорогое злодейское письмецо в часовню, положила его, тепленькое от ее платья, на алтарь, а потом, после службы, возвратила в то убежище, из которого она должна была изгнать его сочинителя.

Подкрепившись молитвой, она отвечала:

«Увы, господин мой! Путь к свободе ведет не ко мне, и я сама могу служить вам, лишь оставаясь в оковах. Прошу, не отягощайте моего бремени! Ваша малоспокойная слуга Жанна».

Это вдумчивое, жалостливое письмецо кольнуло его в самое сердце. Он едва мог усидеть дома. Но нужно было сидеть, пока он еще ни в чем не был уверен. Он ей ответил вторым и третьим письмом, затем – четвертым и пятым. Но они так никогда и не доходили до нее. Последнее, шестое, он отослал тогда, когда уже приступил к исполнению того, что считал необходимым сделать в Туре. В нем говорилось:

«Я веду войну, но за правое дело. Не осуждай меня, Жанна!»

Но по многим причинам на это письмо она не ответила.

Возвращаясь к подвигам Ричарда в Пуатье, я заимствую свой рассказ у аббата Мило, которого он там нашел. Вы можете сами судить, поступал ли граф всегда по-своему. Мило был его духовник, но в то время Ричард был не в таком настроении, чтобы исповедываться, и аббату приходилось разузнавать про всякие происшествия, как только он мог. Впрочем, ничего трудного в этом не было.

«В городе Туре, – пишет он, – в середине Филиппова поста, ходячая молва была полна имен, пожалуй, чересчур выгодных для того, чтобы заносить их на бумагу. Там было множество таких особ, которым нечего было делать, например, граф Блуа, барон Шатоден, воинствующий епископ Дергемский (чуть ли не продажный пастырь), Джеффри, Тальбот, Гюг Сен-Сирк. Одна из причин заключалась в том, что король Генрих был в Англии и еще не пришел к соглашению с французским королем: даже непохоже было, чтобы оно состоялось, если то, что мы слышали, или даже хотя бы десятая доля того, правда. Бог запрещает писать о том, что слышали эти уши! Но вот что я могу действительно сказать. Это я рассказал господину моему Ричарду про ту позорную повесть, да еще намекнул, что в ней запутан его бывший друг граф Эд де Сен-Поль. И, если вам угодно мне поверить, могу еще сказать, что не эта повесть коварства взволновала его: он выслушал ее, сжав губы, не сводя глаз с меня. Но когда я назвал Сен-Поля, он затаил дыхание; когда я упомянул об участии графа в этом деле, он вздохнул глубоко; услышав же, что этот человек находится и по сей час в Туре, он вскочил с места и сжатым кулаком ударил по столу. Зная его, как я знаю, я пришел к заключению, что над Сен-Полем собираются черные тучи. На следующий день граф Ричард двинул свои войска с полей у Пуатье к самой границе своей страны. Затем он приказал остановиться в Сен-Жиле и, обезопасив себя против нападений, сам с господином Гастоном Беарнцем, с дофином Овернским и с виконтом де Безвер, отправился в Турень и прибыл в Тур приблизительно за неделю до Рождества Христова, в ясную морозную погоду».

По-видимому, Ричард не взял с собой своего аббата: далее воспоминание этого почтенного человека переполнено нравоучительными рассуждениями – верный признак, что ему не хватало данных. Правда, на это могли быть и другие причины.

Как бы то ни было, граф Ричард поехал в Тур в самом возбужденном настроении. Он наострил уши и готов был выслушивать всякого рода сплетни. И пришлось же ему наслушаться всего! На мокрой рыночной площади, на каменных плитах церковной паперти, у колонн внизу собора, в залах, в комнатах, в коридорах гостиниц – всюду, где только мужчины или женщины шептались на ухо, так и летали в воздухе имена Элоизы, сестры короля Филиппа, и короля Генриха, отца графа Ричарда.

У Ричарда расправа была недолга и крута. Посреди залы в епископском дворце в один прекрасный день после обеда он встретил и остановил графа Сен-Поля.

– Что новенького, прекрасный господин? – спросил граф, едва переводя дух.

Глаза Ричарда загорелись.

– А то, что лживая у тебя глотка! – ответил он.

Граф Эд оглядывался вокруг: все встали из-за стола и напряженно следили за ним.

– Странные речи, мой прекрасный господин! – заметил Сен-Поль, бледнея, а Ричард возвысил голос до того, что в нем начинали звенеть металлические нотки.

– Но не странно ваше дело. Оно уж началось... Ну, с каких пор?

Сен-Поль был задет за живое:

– Ах, сударь мой! Вам совсем не пристало укорять меня.

– А я думаю, весьма пристало! – воскликнул Ричард. – Ты лгал с низкой целью и опозорил свое имя. Ты силишься клеветой привести меня к тому, к чему никогда не привел бы честью. Ты врешь, как торговка. Бессовестный лгунишка!

Ни один мужчина не вынес бы этого от другого, как высоко ни стоял бы тот, а Сен-Поль был не трус. Он взглянул на своего противника, и его лицо было все так же бледно, но твердо.

– А что, если... – спросил он. – Что, если я не лгу, граф Пуату? Что, если и вам известно, что я не лгу?

– В таком случае, – сказал Ричард, – ты прибегаешь к оскорблениям, а это еще хуже.

Сен-Поль схватил перчатку и бросил ее с грохотом на пол.

– Ну, если уж на то пошло, сударь мой... – начал он.

Но Ричард, подняв перчатку на острие своего меча, швырнул ее вверх, к стропилам крыши, а затем поймал ее на лету.

– Вот она, граф: беру ее, – закончил он прерванную речь Сен-Поля и торжественно зашагал из дома епископа.

Тогда-то урывками писал Ричард Жанне свое шестое письмо, которое до нее дошло:

«Я веду войну, но за правое дело. Не осуждай меня, Жанна!» В заключение этого происшествия был смертный поединок на лугу, у реки Луары.

Весь город Тур высыпал на стены, чтобы поглядеть на это зрелище. Ричард с полной откровенностью объяснял свои намерения.

– Он должен умереть, хотя бы оказалось, что он сказал правду, – говорил Ричард дофину Овернскому. – Я в этом еще не вполне уверен: сведений у меня еще слишком мало. Но все равно: ни под каким видом ему не полагается оставаться в живых. Своей клеветой он опозорил меня и запятнал честь самой милой дамы во всем мире, все несчастье которой состоит в том, что она – его сестра. На том же основании я должен покарать его еще за то, что он чернит достоинство той дамы, на которой я (в настоящую минуту) задумал жениться: она была, есть и будет дочь его сюзерена.

Он высоко вскинул голову и прибавил:

– Неужели же дочь Франции не стоит того, чтоб за нее сломать спину?

– Ну да! Еще бы, – согласился дофин. – Но это довольно важная спина, спина высокопоставленной особы. Короли радушно, запросто треплют эту спину. Конрад Монферрат зовет ее обладателя «кузеном». Император обнимал ее на Пасхальной ярмарке.

– Поверь мне, дофин, я не задумался бы так же точно переломить спину и Конраду, – возразил Ричард. – Но Конрад не говорил ведь ничего. Есть у меня, однако, еще причина.

– Я и сам так думал, что должна быть причина, – подхватил дофин поспешно, но все-таки довольно робко. – Его имя – Сен-Поль!

Лицо Ричарда мгновенно покрылось бледностью.

– Вот потому-то я и хочу его убить. Он ищет повода заставить нас жениться. Дерзкое животное! Ему имя должно быть Пандар²⁴.

Он расстался с дофином и заперся у себя до самого дня поединка.

На лугах реки Луары было отмерено поприще и водружены знамена над шатрами графа Пуату и графа Сен-Поля: знамя Ричарда с леопардами на красном поле и знамя Эда – с серебряными василисками²⁵ на синем поле. Толпа была очень многолюдная: город кишмя кишел народом. На помосте трон короля английского стоял пустой: только над ним виднелся меч наголо. Но рядом с королевским тронном, в качестве судьи, в этот роковой, смертоносный день восседал принц Джон, брат Ричарда, вызванный им нарочно с этой целью из Парижа и приехавший сюда весьма неохотно. Епископ Гюг Дергемский сидел рядом с ним и удивлялся молча, что лоб принца весь блестел от пота, когда северный ветер всех пронизывал до костей.

– У вас ничего не болит, дорогой господин мой? – спросил он наконец.

– О, епископ Гюг, епископ Гюг! В этот день я готов с ума сойти.

«Клянусь Богом! – подумал про себя епископ. – Это немудрено, приятель!»

Трубы затрубили. На второй призыв выехал на поприще вызвавший на бой, то есть граф Сен-Поль, на рослом сером коне, в панцире, в броненосной шапочке и в каске, над которой торчали три пера цапли. Эти перья были знаком рода Сен-Полей, Жанна тоже носила их. На графе был синий камзол, на его коне – синий чепрак. Позади него, в качестве почетного эсквайра, ехал юный Амедей Савойский с его знаменем – с белым василиском на синем поле. Сен-Поль был мужчина дюжий: он преважно нес на спине и на груди знаки своего достоинства.

Трубы затрубили вызов графу Пуату. Ричард вышел из своего шатра и легко взвился на седло – штука, которая удавалась лишь немногим рыцарям, одетым в латы. В то время как он ехал, не спеша, вдоль линии войска и народа, не было человека, который не заметил бы его высокого роста и бесподобной непринужденности посадки. Но кто-то заметил еще вслух: «Он на пять лет моложе Сен-Поля и не так дорожен, как тот».

Над его шлемом с леопардами колыхалось красное перо, а на кольчуге был надет белый камзол с тремя красными леопардами. Щит был украшен таким же гербом, равно как и чепрак его коня. Знамя Ричарда нес дофин Овернский. Оба рыцаря съехались, преважно приветствовали друг друга, а затем, высоко подняв свои копыя, повернули к помосту, к мечу над королевским тронном, у которого сидел принц, обливаясь потом.

Джон встал, держась за стул, чтобы подать знак к состязанию. Он воскликнул:

– О, Ричард Анжуйский! СвЕРШИ над телом де Сен-Поля, что долг повелевает тебе! А ты, Эд, отстаивай свои права во имя Святой Троицы и Владычицы нашей Богородицы!

Епископ Турский благословил обоих и их выезд. Они разъехались в разные стороны – и бой начался. Он был короток, окончился в три приема. С первого же удара Ричард выбил противника из седла, со второго – сбросил с него шлем и нанес ему глубокую рану на щеке, с третьего – повалил на землю и всадника и коня и переломил рыцарю спину. Так Сен-Поль больше и не шевельнулся...

В тот же миг, как это свершилось, среди безмолвной тишины, принц Джон сошел с трибуны и бросился Ричарду на шею.

²⁴ Пандар – сын Лаокоона, вождь троянских ликийцев. Пандар поступил предательски, ранив Менелая, когда только что было заключено перемирие с греками.

²⁵ Василиск – американская ящерица, которая живет на деревьях и питается насекомыми. Ее чудной вид с капюшоном на голове внушал суеверный страх.

– О, милый брат! – воскликнул он. – Что бы я делал, если бы тебе на долю выпала такая беда? Подумать только – и то уж у меня сил не хватает.

– О, брат, я думаю, – спокойно отозвался Ричард, – ты перенес бы это пренебрежительно: женился бы на мадам Элоизе, а на помин души моей из ее же приданого уплатил бы за одну или две панихиды.

Все слышали ясно этот беглый залп. Джон покраснел, как зарево.

– Как это так? Что ты хочешь сказать, Ричард? – пробормотал он, запинаясь.

– Разве мои слова так запутаны? – спросил тот. – Обдумай их, выучи наизусть, а сам тем временем, будь так любезен, поезжай со мной в Париж.

Мигом вся краска сошла с лица принца Джона.

– А! В Париж? – повторил он и взглянул так, словно увидел смерть за спиной.

– Да, туда мы и должны ехать, – вымолвил Ричард. – Только помолимся сперва за этого бедного слепого червя, что лежит там, на земле: теперь он, слава Богу, видит, чем оскорбил.

– Там ведь Конрад Монферратский, кузен умершего, – заметил не без намерения Джон. Но Ричард только засмеялся.

– Мы еще успеем вовремя встретиться с ним. Я передам ему вести про его кузена Сен-Поля. Чего ради он туда забрался?

– Да вот по поводу королевства Иерусалимского. Он стремится к Сивилле²⁶ и к этой короне – весьма возможно, что он получит и ту и другую.

– Не думаю, Джон, не думаю. Мы займем все его помыслы другими делами... покуда, за недостатком моих собственных. Ну а теперь у тебя, братец, еще есть блестящая надежда.

Принц Джон засмеялся, но натянуто, и заметил:

– Твой язычок кусается, Ричард.

– Фу! Ты большего-то и не стоишь! – сказал Ричард. – Я берегу свои зубы.

И он пошел прочь.

Приехав в Париж, Ричард отправился в замок своего родственника графа Ангулемского, а брат его – в аббатство Сен-Жермен. Пуатуец, гонец Ричарда, поехал от него к королю Филиппу-Августу, а принц Джон, полагаю, сам понес от себя весточку туда, куда ему было всего нужнее, чтобы она дошла. Думаю, что он добивался свидания наедине с мадам Элоизой. А если большой алый капюшон, который поддержал его на ветру на углу Клерского Луга²⁷, покрывал чью-нибудь другую спину, а не спину Монферрата, ну, тогда, значит, народная молва – лгунья! Ричард, со своей стороны, не придавал значения Джону и его уверткам. Волной поднялся в нем прилив отвращения сильного человека к трусливому юноше. Теперь, когда он затащил его в Париж, казалось, самое лучшее было – оставить его одного. Но чувствительность была злейшим врагом Ричарда. Ведь если он не намеревался пришибить змею палкой, то хоть не следовало ломать эту палку.

Впрочем, что касается Джона и его изворотов, мне до него мало дела. Скажу про него лишь одно. Все, что он делал и чего не делал, проистекало не от ненависти к тому или другому человеку, но от страха за свою жизнь или от любви к собственному брюху. Каждый принц Анжуйского дома безгранично любил который-нибудь из членов своего собственного тела: один – более благородные, другой – более ничтожные, низшие члены. Если Джон любил свое брюшко, то Ричард любил свое царственное чело. Но довольно об этом.

Ричард был вызван к королю Франции день или два спустя после своего приезда в Париж. Он немедленно отправился туда со своим духовником Ансельмом да еще с одним или двумя лицами в придачу, и был немедленно принят. Он до того поспешил, что вместо одной высокой особы застал в приемной у Филиппа французского целых двух: с королем был Конрад Мон-

²⁶ Сивилла – это сестра иерусалимского короля Балдуина IV.

²⁷ Часть Парижа.

фerratский, широкоплечий, бледный, угрюмый итальянец, самохвал и кипяток. Французский монарх, еще совсем юный, был одних лет с Жанной. Худенький, угловатый, он представлял собой ту серенькую форму, в которую вылились подонки рода Капета²⁸. Лицо у него было гладкое, как у девушки: ему не было даже необходимости бриться. Губы были тонкие и прорезаны как-то вкось. Как мальчик он любил Ричарда, восторгался им, но как Капетинг он не доверял ему, как и все на свете.

Ричард опустился на колени перед своим сюзереном, но тот поднял, поцеловал его и усадил рядом со своим тронem. Это смутило и обидело Монферрата, которому приходилось стоять: он считал себя (а пожалуй, и был в действительности) выше всех некоронованных особ.

По-видимому, западный ветер принес и сюда весточку. Король воскликнул полушутя, полусердито:

– Ах, Ричард, Ричард! Чего вы натворили в Турене?

– Прекраснейший мой повелитель! – ответил Ричард. – Я натворил такого, что боюсь огорчить нашего кузена Монферрата. Я переломил спину графу де Сен-Полю.

При этих словах багровое лицо маркиза приняло свинцовый оттенок. Он завертел и пальцами и языком. Как помой из переполненного ушата понеслись излияния маркиза:

– О государь! О король Франции! Разрешите мне переломить спину этому разбойнику, который в один прием грабит и оскорбляет человека. Свет Евангелия! Да можно ли это терпеть?

Разъяренный, с пеной у рта, он рванулся вперед на шаг или два, держась рукой за рукоятку своего длинного меча. Ричард встал, спустился с трона и выпрямился во весь рост:

– Маркиз! Если вы будете употреблять слова, которых я не желаю слышать...

Король Филипп вступился:

– Прекрасные господа, любезные господа...

Но Ричард сделал рукой то, свойственное ему, царственное движение, которое замечали даже короли.

– Дорогой мой повелитель! – прозвучал его голос ровно, спокойно. – Дозвольте мне высказать все мои мысли прежде, чем маркиз соберется со своими. Граф Сен-Поль, по скотским побуждениям, говорил при мне, правду ли, нет ли, о мадам Элоизе. Если то была правда, я готов был умереть, если же нет – надеюсь, он должен был сделать то же самое. Будучи убежден, что это ложь, я одного человека уже покарал за это, но тот получил свои сведения от Сен-Поля. Поэтому я назвал Сен-Поля лжецом и прочими подходящими именами. Это дало ему повод спасти свою добрую славу, но подставить под смертельный удар свою спину. Он сам сгубил первую, а я – вторую. Теперь послушаем, что скажет нам маркиз.

Маркиз подергивал свой меч.

– А я, граф Пуату... – начал он.

Но тут король Филипп простер свой скипетр, высоко ценя свой королевский сан.

– А мы, граф Пуату, повелеваем вам по чести нам сказать, что именно осмелился Сен-Поль говорить про нашу сестру мадам Элоизу.

Несмотря на то что юношески-молодой голос короля дрогнул, эта общечеловеческая слабость придавала ему еще более царственный вид. Ричард был чрезвычайно тронут и в один миг растаял.

– Прости меня, Боже! Но я не могу сказать этого.

В голосе его прорывалась жалость.

Юный король чуть не заплакал.

– О Ричард! Что же это такое?

Но Ричард отвернулся. Наступила минута, выгодная для итальянца.

²⁸ Капет – родоначальник третьей династии во Франции, Капетингов, которые царствовали с 987 г. до 1328 г.

– Так слушайте же, король Филипп! – начал он прямо и угрюмо. – И ты, граф Пуату, послушай тоже! Я живо укрошу твои речи. Мне случилось узнать кое-что про это дело. Если это не будет к твоей чести, это уж не моя вина, но оно послужит к чести моего убитого кузена. Так слушайте же!

Ричард высоко поднял голову.

– Молчи, пес! – проговорил он.

Маркиз зарычал, как старая собака, а у Филиппа губы задрожали и рука дотянулась до плеча Ричарда.

– Я должен выслушать его, Ричард! – промолвил он.

Граф Пуату обнял юношу рукой за шею, и в таком положении они слушали, что говорил маркиз. Лишь под конец Ричард осмелился заглянуть в отуманенные очи короля Филиппа, поцеловал его в лоб и сказал:

– Филипп! Пусть тот, кто дерзает передавать эту сказку, в нее верит, а мы, слушающие ее, сделаем все, что нам долг велит. Теперь ты понимаешь, почему я прикончил Сен-Поля и почему – клянусь небом и землей! – положу на месте этот медный котел.

Он повернулся к Монферрату, и зубы у него блеснули.

– Конрад! Конрад! – ужасным голосом вскричал он. – Чего только ты не натворил на скользком жизненном пути? Провалиться мне в преисподнюю, за пределы церковного покаяния, если я не поспешу спровадить тебя в ад крошечный, только бы настичь тебя одного!

– Конечно, ты так и сделаешь, сударь мой, – заметил весьма встревоженный маркиз Монферратский.

– Если ты попадешь туда, мне будет развлечение на короткое время, – ответил Ричард, уже остывший и устыдившийся своей горячности.

Тут Филипп отпустил маркиза. Как только удалось ему освободиться от его присутствия, он бросился в объятия Ричарда и от души выплакал все свои слезы.

Ричард любил этого юношу-короля и утешал его как умел. Но в одном был для него камень преткновения: он и слышать не хотел даже самого слова «брак», пока не повидается с принцессой.

– О Ричард! Женись на ней скорее! Женись скорее, чтоб мы могли всему миру в глаза смотреть! – лепетал юный король, думая, что это – самая действенная мера, прямой ответ на оскорбление, нанесенное его дому.

Но графу это казалось вовсе не так просто или, вернее, слишком просто, но только наполовину. Сам про себя, в душе, он знал прекрасно, что не мог жениться на мадам Элоизе. Впрочем, в то время и король Филипп уже понимал это.

– Я должен видеть Элоизу! Я должен видеть ее наедине, Филипп!

Вот все, что Ричарду пришлось сказать, и против этого, действительно, нечего было возражать.

Дав ей знать, как это полагалось по придворным правилам, он пошел к Элоизе и с первого же взгляда убедился, что все – правда, убедился также, что и прежде он это уже замечал.

Бледная, робкая, крадущаяся девушка с парой запуганных глаз, выглядывающих из-под распущенных волос; согбенная фигура; руки, цепляющиеся за стену, к которой все тело так и жметя; разинутый, искривленный рот; широко открытые, но ничего не видящие очи... Вся истина, голая, ужасная, сверкнула перед ним. Ему было противно на нее смотреть, но говорить волей-неволей приходилось мягко.

– Принцесса! – начал он и двинулся к ней навстречу, чтобы взять ее за руку. Но она ускользнула прочь и на короточках прижалась к стене. Неприятно было видеть, как вздымалась ее грудь, силясь дышать свободно.

– Не тронь меня, граф Пуату! – шепотом попросила Элоиза и застонала. – О боже, боже! Что со мной будет?

– Мадам! – ответил ей Ричард довольно сухо. – Пусть Бог ответит вам на ваш вопрос: Он всеведущ. Я же ничего не могу сказать, покуда вы сами не скажете мне, что с вами было до сих пор.

Элоиза оперлась крепче о стену, прижав к ней плотно ладони, и всем телом нагнулась вперед, как человек, идущий ощупью в потемках. Затем она покачала головой и опустила ее на грудь.

– Есть ли в мире другая скорбь такая, как моя? – пролепетала она про себя, словно его тут не было.

Ричард нахмурился.

– Так молился в предсмертных муках Сын Всевышнего, – укоризненно заметил он ей. – Если вы осмеливаетесь просить Его об этом Его собственными словами, значит, действительно ваша скорбь уж очень глубока.

– Да, она глубже всего на свете! – промолвила она.

– Но его скорбь была... горечь посярмления!

– И мое посярмление горько, – промолвила она.

– Но Он незаслуженно был посярмлен.

Ричард говорил с презрением. Элоиза подняла голову, и ее жалобный взгляд поднялся к нему в лицо.

– А я-то, Ричард?! Я заслужила свое посярмление.

– Мне это очень кстати слышать, – сказал Ричард. – Как сына и как нареченного жениха, это касается меня довольно близко.

Горячо, отчаянно стремясь вздохнуть свободно, она могла только издавать какие-то звуки, но ни слова не вылетело из ее груди. Слепо бросилась она вперед, упала перед ним и обняла его колени. Ричард не мог не пожалеть бедное, неразумное создание, которое боролось, по-видимому, не с чувством раскаяния, не с потребностью в сочувствии, а с какой-то червоточиной в мозгу, которая увлекала ее все глубже в самый вихрь бурного потока.

Ричард сделал для нее все, что мог. Сам человек верующий, он повернул ее к распятию на стене, но она отклонилась, чтоб не видеть его, откинула назад свои раскиданные в беспорядке волосы и продолжала цепляться за Ричарда, умоляя о какой-то таинственной милости, умоляя без слов, только взглядом и прерывистым от движений дыханием.

«Помоги Ты, Господи, ее измученной душе: я ничего не могу сделать», – молился он про себя и прибавил вслух:

– Пустите меня, я позову ваших женщин!

Он попытался разнять ее руки, но она стиснула зубы и держалась крепко, как взбешенное, визжащее, рычащее, затравленное животное. Молча боролись они некоторое время.

– Так нет же! Пустишь ли ты меня наконец? – проговорил он в отчаянии и силой разомкнул ее безумные руки.

Она упала на пол и смотрела вверх на него. Такого безнадежного горя еще никогда не видывал он на таком искаженном лице. Теперь он и сам убедился, что она не в своем уме.

Еще раз провела Элоиза руками по лицу, как бы смахивая с него паутину в осеннее утро: так она уже делала при нем и прежде. Хотя она вся еще дрожала, хотя ее трясла лихорадка, голос вернулся-таки к ней.

– Благодарю! Благодарю Тебя, о мой Христос Спаситель! – со вздохами вырвалось у нее. – Иисусе мой Сладчайший! Теперь я могу сказать ему всю правду!

Если б тогда же выслушал ее Ричард, это было бы лучше для него же, но он не стал слушать. Борьба раздражала его. Если она была сумасшедшая, то и он обезумел: он рассердился как раз тогда, когда ему нужно было иметь больше всего терпения.

– Правду! Клянусь Небом! – вырвалось у него. – Ах, точно мне еще мало этой правды!

И он ушел, оставив ее одну трепетать.

Спускаясь вниз по длинному коридору, он слышал визг, крик, суетливое топание многочисленных ног. Оглянувшись, он увидел, что мимо него торопливо пробежали женщины со свечами. Крики стали глуше и умолкли. Ее усмирили...

Ричард поехал к себе домой на ту сторону реки и проспал десять часов подряд.

Глава VII

Как трещит терновник под котлами

Как два котла никогда не кипят одинаково, так и люди кипятятся всегда различно. Один внутренне переносит свое горе: таков был Ричард. Французский король был как в лихорадке. Маркиз вспыхивал. Принц Джон английский весь превратился в зрение и тревогу. Средством Ричарда против горя и забот была кипучая деятельность, средством маркиза – скопление ненависти, а средством Джона – козни.

Последствием всего этого было то, что при таком тяжком положении дел Ричард сбросил с себя поутру, вместе с простыней, свое неудовольствие и тотчас же стал во главе всех: дело-то было неотложное. Он открыто объявил войну своему отцу-королю и в тот же день, отправив с этим извещением гонцов, он дал понять королю Филиппу, что французское правительство может быть за или против него, как ему заблагорассудится, но что никакие силы на небе или на земле не заставят его жениться на мадам Элоизе. Король Филипп, который все еще льнул к своему другу Ричарду, заключил с ним союз против короля Генриха английского. Покончив со всеми этими делами, все припечатав и отправив по принадлежности, Ричард послал за своим братом Джоном.

– Брат! – сказал он. – Я объявил войну своему отцу, и король Филипп – мой союзник. От его имени и от моего собственного я должен сказать, что тебе предстоит одно из двух. Ты можешь оставаться в наших владениях или выехать из них, но если предпочтешь остаться, ты должен подписать наш договор.

Для Джона все это было чересчур определено. Он попросил, чтобы ему дали время подумать: Ричард согласился ждать до вечера его ответа. Дождавшись сумерек, он попросил его опять к себе. Джон выбрал первое, то есть остался в Париже. Тогда Ричард рассудил, что он сам поедет домой, в свое Пуату.

Не успел он уехать, как в ту же минуту начались всевозможные таинственные свидания вельмож, которых он оставил в Париже, но описанием этих свиданий я намерен как можно меньше утруждать читателя. Впрочем, расскажу про одно из таких тайных дел.

Однажды, в пасмурный февральский день, стремглав прикатил в Париж юный граф Евстахий, ныне, по случаю смерти брата своего, – граф де Сен-Поль. Говорят, несчастье делает из человека или святого, или мужчину: графа Евстахия горе сделало мужчиной. После глубокого поклона королю этот юноша, все еще стоя на коленях и не отнимая рук, которые король держал в своих руках, проговорил, пристально глядя в лицо его величеству:

– Окажите милость, государь! Окажите милость своему новому вассалу!

– Чего тебе, Сен-Поль? – спросил король Филипп.

– Государь! От вас зависит брак моей сестры. Прошу вас, отдайте ее за Жилия де Гердена, доблестного нормандского рыцаря.

– Для нее это слишком ничтожная партия, Сен-Поль, – заметил король, обдумывая. – Ничтожная также и для моих выгод. К чему мне обогащать короля английского, с которым я веду войну? Скажи мне, что за причина?

– Сейчас я назову вам эту причину, – заметил юноша Сен-Поль. – Ее хочет взять за себя тот черт, что убил моего брата.

– Но, – возразил Филипп, – ведь я должен отдать ее за того, кто верней удержит ее за собой. А ваш Герден – нормандец, говоришь ты? Но в скором времени граф Ричард будет держать в руках этого рыцаря. Какая же тебе тогда будет выгода?

– Я в этом сомневаюсь, государь, – ответил Сен-Поль. – Да есть на то и еще причина. Когда граф Пуату отрекся от моей сестры, он сам отдал ее Жилию Гердену. Вот я и боюсь, как бы он снова не вздумал ею овладеть, когда увидит, что она принадлежит другому.

– Как так, приятель? – спросил Филипп.

– Государь! Ричард пишет сестре в письмах, что он, – человек свободный, а она держит их при себе и частенько перечитывает украдкой. Так например, недавно наша тетушка застала ее за чтением такого письма: она читала в постели.

Чело короля вдруг сильно омрачилось. Хотя он и знал, что Ричард никогда не женится на принцессе Элоизе, ему не хотелось, да и оскорбительно было, чтобы кто-либо другой знал об этом. В эту минуту Монферрат вошел и стал подле своего родственника.

– О государь! – начал он своим кровожадным голосом. – Дай нам разрешение поступать в этом деле не стесняясь.

– Что хочешь сделать ты, маркиз? – спросил король тревожно.

– Господи, да убить его, конечно! – ответил маркиз, а Сен-Поль прибавил:

– Отдай нам его жизнь, о государь, наш повелитель!

Король Филипп призадумался.

Он только что заключил договор с графом Ричардом. Но тот договор был действителен лишь на время этой карательной войны: он кончался, как только будет выжата последняя капля крови из старого короля. Ну а что будет после войны? Филипп уже успел тем временем поостыть к Ричарду, когда услышал все, сейчас сказанное про него. Он не мог удержаться от мысли, что брак с Элоизой был бы самым подходящим ответом на позорную молву. Будет ли у него, Филиппа, возможность принудить Ричарда по окончании войны жениться или отдать ему соответствующее количество земли? Он не мог этого сказать наверно, даже сильно сомневался. С другой стороны, если он и Ричард смогут одолеть старика Генриха, а Сен-Поль потом сможет побороть Ричарда, разве это не была бы чистая выгода для него, Филиппа?

Покусывая бахрому своей мантии, раздумывал король, прикидывая в уме и то и се. Наконец он неуверенно спросил:

– А что сделает ваш Герден, если я отдам за него мадам Жанну?

Сен-Поль назвал сумму, и даже значительную.

– А на чью сторону он станет в распре? – спросил король.

– Он станет на мою сторону, государь: это – его долг.

– Черт возьми! – воскликнул король. – Да разберем же, наконец, в чем именно заключается ваша сторона, ваши выгоды?

– Мои выгоды заключаются в праве человека, претерпевшего кровную обиду, о мой повелитель! – ответил юный граф Сен-Поль.

– И мои тоже, – прибавил маркиз.

– Пусть будет по вашему желанию, господа! Дарую вам этот брак, – промолвил король Филипп. – Но кончайте с ним как можно скорее: лишь бы вести об этом не дошли до Ричарда раньше, чем брак совершится. Верно вам говорю! В этом великане таится огонь кипучий, и ты, Сен-Поль, запомни это. Ты не должен воевать на английской стороне: не то будешь против Ричарда и против меня. Твоя личная месть пусть обождет, а в настоящую минуту мне надо свести счеты, в которых граф Пуату – на моей стороне. Маркиз! Ты тоже у меня в долгу: смотри, не допускай, чтобы перевес был на стороне моих врагов!

Маркиз и граф, его кузен, поклялись, держа перед лицом своим крестообразные рукояти своих мечей.

Между тем в своем главном городе Пуатье Ричард уже приводил в исполнение свои планы. Первое, за что он принялся, было – послать Гастона Беарнца с письмами в Сен-Поль-ля-Марш: он ведь считал себя теперь совершенно свободным человеком. Во-вторых, не видя причины, почему ему необходимо ждать короля Филиппа или кого-либо другого из своих союзников, он с войском перешел границы Турени и брал один за другим укрепленные замки в этой богатой стране, очищая себе дорогу к завладению Туренью, к этой его главной и высокой цели.

Оставим его за этим занятием и последуем на север за Гастоном Беарнцем. Этот молодой человек отправился в путь в начале марта, в ветреную, пыльную погоду. Но его, как истого трубадура, согревала самая цель возложенного на него поручения. Он сложил в дороге целый букет благоуханнейших песен в честь Ричарда и дамы ля-Марша, обладательницы волос шафранного цвета, опоясанной широким поясом. Проезжая по владениям короля французского, через Шатоден, Шатр и Понтуаэ, он чуть не встретился с Евстахием Сен-Полем, который скакал во всю прыть к противоположной цели. Конечно, Гастон сразился бы с ним и был бы убит: Сен-Поль, как и подобало его сану, ехал со свитой, а певец – один. Впрочем, судьба избавила его от такой неудачи; в самом выпрессенном настроении духа, с готовой «альбой»²⁹, он доехал до окна, которое он считал окном Жанны. И до чего верен был у него глаз насчет женских покоев! Он тотчас почти что угадал. Из окна и вправду выглянула дама, но только не Жанна, а матрона внушительных размеров со скуластым, скалообразным лицом, с седыми волосами, словно приклеенными к щекам.

– Взгляни, зарделся небосклон! Взгляни, мое сердечко! – залился Гастон.

– Прочь, петушок! – отозвалась старая дама. Тщетно продолжал вздыхать Гастон. Оказалось, что это была тетка, служившая верой и правдой графу, а Жанна сидела у нее в башне под замком. Гастон удалился в лес, чтобы предаться размышлениям. Там-то написал он пять одинаковых, слово в слово, записок пленнице. Первую из них он дал мальчишке, которого накрыл за опустошением птичьих гнезд.

– Милый мальчик! – сказал он. – Снеси гнездо горлицы к госпоже Жанне и скажи ей, что это – первые плоды новой весны. Ты заработаешь серебряную монетку. Но смотри, не попадись старухе с челюстями как клещи.

Вторую записку он вручил лесному сторожу, который делал вязанки дров для замковых печей, третью горничная опустила себе в карман, а четвертую он помог ей выучить наизусть, собственным способом, который пришлось ей весьма по вкусу. С пятой запиской Беарнец поступил чрезвычайно ловко. Он попросил себе аудиенции у дуэньи, которую звали мадам Гудулой, и получил ее. Он стал на колени и поцеловал ее большую бархатную туфлю. Почтенная мадам была *тронута* – буквально тронута: наклоняясь, он прикрепил записку к шнурку ее необъятной юбки. Единственная достигшая своего назначения записка была доставлена мальчишкой в гнезде горлицы. Таким образом, у Жанны явилась бумажка, которую она могла беречь и лелеять. Прежде всего, конечно, ей предстояло на нее ответить. Вот ее содержание:

«*Vera copia* (точный список). – Милая моя! Я уже начал нести бремя, возложенное тобой на меня, но оно чуть не сломало мне спины. Я уже наказал некоторых из числа виновных, но мне осталось покарать еще нескольких человек. Когда я с этим покончу, тотчас же приеду к тебе. Жди меня. Очень сожалею, что лишил жизни твоего брата, но он заслужил смерть. Наш бой был честный бой. Обо мне узнаешь от Гастона. Ричард Анжуйский».

Ее ответ трепетал у нее в сердце. Она подвела мальчика к окну.

– Мальчик, посмотри вниз и скажи, что ты там видишь?

– Мадам! Вижу ров с водой и на нем уток, – был ответ.

– Смотри еще, мой милый, и скажи, что видишь?

– Вижу старую рыбу, сонную рыбу, брюхом кверху.

Жанна тихонько засмеялась.

– Эта рыба лежит там уж много дней... Скажи рыцарю, пославшему тебя, чтобы он стал на этом месте да смотрел бы вверх. Но скажи еще, чтобы он приходил туда только во время всенощной или обедни. Ты скажешь ему все, да, милый мальчик?

– Будьте покойны! – ответил он.

Жанна дала ему денежку с поцелуем в придачу, а сама словно приросла к окну.

²⁹ У трубадуров так называлась песня, которая пелась на заре. Alba – заря.

Гастон отличался своим искусством в разговоре телодвижениями. Ежедневно, в течение целой недели, видел он Жанну у окна и давал ей странные представления. Он показывал ей, как старый король бушует у себя в шатре; как не знает покоя бледная, тощая Элоиза; как Бертран де Борн вспылит в Отафоре и как болтался у него язык; как сошлись противники на поединок в Туре; как они бились и как умер ее брат. Но верхом искусства было изображение страсти Ричарда: тут уж нельзя было усомниться!

Заразившись его подвигами на этом поприще, Жанна преодолела свою природную сдержанность и все члены свои превратила в кукол. Она надула щеки, опустила голову, грозно и хмуро посмотрела вверх – и получился живой портрет Жилия Гердена. Она соединила как бы в петлю первый и второй палец правой руки и протиснула в них четвертый палец: увы, это – ее собственная судьба! В ответ на это Гастон вынул шпагу из ножен и насквозь проткнул ею кипарисовое дерево. Жанна покачала головой с глубокой грустью, но он устранил все ее отказы таким выразительным движением руки, что Жанна разбила окно и всем станом высунулась вперед. У Гастона вырвалось радостное восклицание:

– Не бойся ничего, милая пленница! Если таково его намерение, то все равно, что уж прикончен. Я его убью. Это решено.

– Мой брат Евстахий теперь в Париже, чтоб добиться от короля разрешения на мой брак, – тихим, но отчетливым голосом проговорила она.

– Говорю тебе еще раз: не бойся ничего! – крикнул Гастон.

Жанна высунулась из окна насколько можно было больше и сказала:

– Скорей уезжайте отсюда! Теперь окно разбито, и меня накроют. Свезите от меня такую весточку моему господину: если он, действительно, свободен, он знает, что я принадлежу ему на жизнь и на смерть. Мое дело оказать ему услугу. Венчанная, нет ли, что мне до того? Я – все его Жанна.

– Нет, ты – Алое Сердце, Золотая Роза, Верная Подруга! Прости, Звезда Севера! – кричал Гастон, стоя перед ней на коленях. – Еду разыскивать твоего Жилия Гердена.

Несколько дней спустя, после опасных переходов по нормандским болотам, он, наконец, отыскал его.

От своего герцога Жиль получил вызов явиться в Руан «*Vi et armis*»³⁰. Выезжай он попозже, он мог бы повстречаться с ним на просторе поля битвы, но опаздывать было не в его нраве. И он сошелся с ним на лесной полянке Жизора, по счастью, с глазу на глаз, с мечом при бедре.

– Говядина! Смерть тебе! – проговорил Беарнец, пощипывая себе бородку.

Жиль не отвечал, по крайней мере не отвечал ничего такого, что было бы возможно передать словами: какие буквы могут изобразить нормандское рычанье? Может быть, единственное подходящее восклицание было бы: «Воуч!»

Противники бились с полудня до заката, оба верхом, с мечами в руках, и до того порубили друг друга, что потеряли всякое человеческое подобие. Им не оставалось больше ничего, как только упасть в обморок бок о бок на сухие листья. Наутро, с трудом продирая глаза, Гастон заметил, что его враг дал тягу.

– Не беда! Обожду, покуда он вернется: тогда опять накинусь на него.

Он ждал его невообразимо долго – право, целый месяц. В течение этого месяца он наслаждался, наблюдая, как робко подходила северная весна, резко отличаясь от внезапного прилива тепла на юге. Он собирал ягоды, измерял стебли густого кустарника, следил, как постепенно гиацинты устилали своим голубым ковром лесные полянки. Все это совершенно поглощало,

³⁰ *Vi et armis* – так называлась феодальная обязанность вассала выходить в поле по требованию сюзерена «с силой и оружием».

пленяло его до тех пор, пока он не узнал случайно, что благородный рыцарь де Герден венчается с Жанной де Сен-Поль в Вербное воскресенье в церкви Святого Сульпиция в Жизоре.
«Прости господи! – подумал он, и его словно кольнуло в сердце. – Дай бог поспеть!»
И помчался Беарнец на юг быстрее ветра.

Глава VIII

Как удержали Ричарда чтоб он не задушил отца

Задолго перед тем как нежно-розовый румянец на миндальном дереве возвестил приближение земли-невесты, на всех дорогах Галлии уже слышался топот конных ратников и звон стальных остриев, ударявшихся друг о друга.

Эта новая война раздробила Галлию: Аквитания стояла за Ричарда, который, хотя и подчинил себе все это великое герцогство и управлял им с помощью железной дубинки, все-таки сумел добиться того, что его там уважали. Так, например, граф Прованский прислал ему свой отряд, граф Тулузский и дофин Овернский оба привели с собой по отряду. Из Перигора, от Бертрана графа Русильона, из Беарна и (не без особого основания) от умного короля Наваррского шли и ехали копейщики и пращники, лучники и рыцари со своими эскаврами и знаменосцами. Герцог Бургундский и граф Шампанский подошли с востока в подкрепление к войскам короля Филиппа на западе; графиня Бретонская рассылала факелы, этих вестников войны.

Все концы Галлии поднялись на рыжего старика-анжуйца, что засел в самых недрах ее, а теперь все еще оставался в Англии и тайком посылал весточку за весточкой к своему сыну Джону. Этот Джон, сидя один в Париже, и не думал вооружать копейщиков: своих собственных у него не было, да и не смел он высказаться открыто. Вынужденный братом, он принял его сторону и в первый раз от роду приложил руку к пергаменту. «Богу известно, – думал он, – что и этой тяготы с меня довольно!» Вот он и сидел себе в Париже, изворачиваясь и меняя свою личину, как ему было удобно, смотря по тому, откуда ветер дунет. Никто о нем не справлялся, а всех менее его брат Ричард, которому, собственно, нужды не было до того, что он делает со своей особой, лишь бы была его подпись.

Таков уж был нрав у Ричарда: доведет он человека до крайности – и затем позабудет про его существование. Если ему напомнят, бывало, про забытого, он пожмет плечами и скажет: «Да ведь он дурак!» Ответ неудовлетворительный: Ричард как будто не разбирал или не желал разбирать, что есть два рода дураков. Загнанный на самую вершину, один оказывается дураком, потому что там и остается, другой – потому что пытается оттуда спуститься. Принц Джон, далеко не дурак, принадлежал ко второму роду дураков. В свое время мы поясним, как он пытался спуститься и куда идти. Нам с вами, прежде всего, надо отправиться на запад на место военных действий.

На войне граф Ричард вступил в свои прирожденные права: он был превосходнейший, наилучший из полководцев того времени. Что улавливал он взглядом, то схватывал тотчас же умом, как железной подъемной машиной. Его глаз был глаз истого воина: он понимал все по одним намекам и придавал жизнь всему бессловесному. Как легко нам с вами предвидеть тот или другой ход на шахматной доске! Вот также легко было для него видеть по всему безграничному пространству Франции движущиеся толпы людей. Вот они ползут вперед змеевидной колонной; вот они веерообразно раскинулись от одной до другой купы деревьев, там они уютно расположились лагерем под холмом, а тут устилают береговые кручи жертвами крылатой смерти: там и сям им то мешают, то помогают каменные залежи у подошвы ледников...

Ничего-то не упустит Ричард из виду. Он возьмет в расчет время и погоду, оценит места обороны. Он выберет брод по одному взгляду на окрестности. Он назначает время и место для встречи конницы с пехотой, предупреждает известия разведчиков. Он не только заботится о крепости собственной боевой опоры, но и старается подорвать опору неприятеля. И, понятно, все это он делает без географических карт и вразрез с обычными приемами своих соседей.

Так Ричард перехитрил аквитанских баронов, хотя сам был еще чуть не мальчишкой, а укрепления на холмах обратил в западню для их же обитателей. Он обладал чудесным даром

ночных передвижений и нанесения удара за ударом с такой быстротой, что вы не успели очнуться от первого, как вам наносился второй со всего размаху. Он мог быть до смерти терпелив, этот неутомимый охотник, преследующий добычу украдкой, шаг за шагом. Он мог быть, смотря по обстоятельствам, безжалостным, как бурное море, или до невероятия великодушным. Для людей, которых он вел за собой, это был отец родной: таким всякий знал его и любил. Но, как правитель, он был слишком самостоятелен и одинок, чтобы внушить любовь к себе. На войне Ричард был другом последнего конюха. Лично он бросался вперед до неразумия, когда сшибались войска, зато это был такой вечно жизнерадостный, проворный молодчина, что было бы святотатством представить себе раны на таком прекрасном теле. Да никто и не думал о них: казалось, Ричард играет с опасностью, как котенок с сухими листьями.

«Я видел (пишет где-то аббат Мило) как Ричард подвигался к куче рыцарей неприятеля. Он распевал, подбрасывал и ловил на лету свой огромный меч Валяй, потом вдруг совершенно неожиданно вскипел, словно в его жилах задрожали силы жизни, вытянул голову вперед, подобрал поводья своего коня и бросился в самую чашу врагов, как тигр в стадо быков. Не было видно ничего, кроме мелькающей стали. И Ричард вынырнет откуда угодно – весь красный, но без царапинки, и непременно в самом отдаленном конце сечи».

Для этого человека ярость войны не представляла ничего неестественного: и раз начав борьбу, он уже не останавливал своей руки. В начале февраля он закончил свои планы, в конце – уже взял Сомюр, отрезал сообщение Анжера с Туром и всю долину Луары обратил в изрытый слой пепла. В первых числах марта он уже засел перед Туром со всеми своими осадными орудиями – петрариями, мангонелями, башнями – и ежедневно громил стены крепости с намерением покорить ее прежде, чем война будет в самом разгаре. Город Сен-Мартен был осужден на ту же участь: никакая помощь из Анжу не могла спасти его, так как ни одна душа не могла пробраться в эту сторону.

Тем временем отец-король высадился в Гонфлёре, собрал своих нормандцев в Руане и осторожно прокладывая себе путь через это герцогство, выслеживая французов с левого своего крыла, а бретонцев – с правого. Французов он так и не нашел: они были далеко к югу от него и продирались через Орлеан, чтобы соединиться с Ричардом в Ле-Мансе. Но отряд графини Бретонской, под начальством Гюга Динана, предавал разграблению Авранш, когда старик-король услышал недобрые вести из Турени. Эта провинция, вместе с Меном, была, что называется, зеницей его ока, а между тем он не решался бросить на произвол судьбы Авранш и уйти. Все, что он мог сделать, это – послать Маршала Уильяма с небольшим отрядом в Анжу, между тем как он сам потянулся на запад, чтобы дать сражение Гюгу Динану и спасти Авранш, если только это будет возможно. Таким образом вышло, что король французский проскользнул между королем английским и Ле-Мансом. К тому времени Ричард успел овладеть Туром и сам был уже на пути к Ле-Мансу, чуя в воздухе Уильяма. Это было в начале апреля. Тогда-то он поставил на карту все свои приобретения из-за гордого девичьего личика и, впридачу, чуть не лишился жизни.

Ему надо было перебраться через Ону, повыше Стрелки. Мирно течет эта речка в виде ленивого полусонного ручейка, пробираясь между тростников к Луаре, чтобы прибавить ей воды. По обе стороны тянутся заливные луга на три четверти мили. Низкие известковые холмы с бахромными вершинами сторожат дремлющую долину. Подкравшись на заре с восточной стороны, Ричард вошел в соприкосновение с неприятелем – Маршалом Уильямом и его войском, состоявшим из англичан и нормандцев: по мосту перешли Ону у Стрелки и теперь подвигались вверх по долине, чтобы спасти Ле-Манс.

Смело преградив им путь, Ричард, как струей воды, затопил своими стрелками всю равнину, а сам, в то время как они остановили неприятеля и смяли его передовой отряд, словно гром, нагрянул со своими рыцарями по склонам холмов, напал сбоку на Маршала, смял в комок и смахнул в реку самую сердцевину его полков. Так Маршал проиграл сражение: внутри его

рати образовалась клинообразная расщелина. Но вдруг перед и тыл его войска сомкнулись, и они держались стойко. Ричард очутился в опасности.

Виконт Безьер, который вел задний отряд, вовлек неприятеля в бой и тихонько прижимал его назад к Оне. Ричард колесом повернул свой отряд, чтобы броситься на врага с тыла. Лошадь под ним споткнулась неудачно и шлепнулась на скользкую землю. Послышались крики: «Эге! Граф Ричард упал!» Одни бросились спасать его, другие напирали на павшего. Вдруг подскакивает к нему Маршал Уильям на белом коне.

– Клянусь смертью Бога! – завопил этот доблестный воин и высоко взмахнул копьем.

– Божья воля, Маршал! – тихо сказал Ричард, которого придавил его барахтавшийся конь. – Рази любого из нас!

– Предаю тебя дьяволу, господин мой Ричард! – крикнул тот и воткнул свое копье в грудь коня.

Предсмертное движение несчастного животного освободило Ричарда. Он вскочил и, даже пеший, поравнялся со щитом всадника.

– Теперь твой черед! Берегись! – вскричал он.

Но Маршал покачал головой и помчался за своими убежавшими войсками.

То был день торжества графа Пуату. Ле-Мансу суждено было погибнуть. Он действительно сдался, но не сейчас: Ричард не был свидетелем его падения.

На следующий день Гастон Беарнец присоединился к своему повелителю.

– Поспеши, господин мой, поспеши! – воскликнул он, едва его завидел.

Ричард смотрел на него удивленно, словно никогда не слыхивал таких выражений.

– Какие вести из Нормандии, Гастон?

– Там все сплошь – англичане, весь тот край ими кишмя кишит. Они удерживают за собой Авранш и двигаются теперь к югу.

– Опоздали! – заметил Ричард. – Скажи, что велел передать мне Чудный Пояс?

– Венчанная, нет ли, она все равно твоя. Но ее держат в башне, взаперти, до Вербного воскресенья. Тогда ее выведут оттуда и повенчают с этим черным нормандским боровом или, вернее с тем, что от него осталось. Положим, осталось немного, но, говорят, для этой цели еще хватит.

– Клянусь хребтом Бога! – воскликнул Ричард, рассматривая свои ногти.

– Лучше клянись Его сердцем, граф мой милый! – возразил Гастон. – Ведь в твоих руках пламенное сердце. Хе-хе! То ли не красавица? Всем станом перегнулась она из окна: и что за стан обвивает ее пояс! Махровые розы! Дианы и Нимфы! Полногрудые наперсницы старца Пана!³¹ Очи – изумрудные огни! Власы – что золото литое! Кратко, отрывисто вылетают из ее точеных уст слова, словно губки презирают такое грубое дело! Ричард! Вот ее слова: «Передай господину моему и повелителю, что, живая или мертвая, я принадлежу ему. Я постараюсь оказать ему услугу. Венчанная, нет ли, – не все ли мне равно? Я по-прежнему *его* Жанна». Так говорила она. А я-то, что я могу еще сказать?.. Ну, ладно: зато мой меч говорил за меня, когда я рубил эту мясную тушу.

Беарнец пощипывал свою козлиную бородку и поглядывал, нет ли где на кончике раздвоенных волосков. А Ричард сидел тихонько.

– Знаешь ли, Гастон, кого ты видел? – дрогнувшим голосом спросил он вдруг.

– Прекрасно знаю, – отозвался тот. – Я видел, как бледный цветок, расцветая, тянется к солнцу.

– Ты видел графиню Пуату, Гастон! – промолвил Ричард и принялся читать молитву...

Такими-то вот средствами и удержался Ричард временно от своего стремления пристать к отцу с ножом к горлу. Если б не Жанна, они сцепились бы, наверно, в Ле-Мансе, при дан-

³¹ Пан – сын Зевса (или Гермеса) и одной нимфы, аркадский бог пастбищ и охоты с рогами и козлиными ногами.

ных же условиях не руке Ричарда суждено было спалить город, который видел короля Генриха еще грудным младенцем. Прежде чем наступила ночь, Ричард сделал распоряжения насчет довольно опасного шага. Он отделил себе в провожатые виконта Безьера, Бертрана, графа Русильона и Гастона Беарнца вовсе не потому, чтобы это были прекрасные люди, а для того, чтобы прекраснейшие остались заменять его. Таковы были, бесспорно, дофин Овернский, виконт Лиможский и граф Ангулемский, которых он, каждого в свое время, узнал и оценил как врагов.

– Государи мои! – сказал он всем троим. – Я собираюсь уехать на время. От вас же требую лишь немного внимания, некоторую долю терпения и точного послушания. Необходимо, чтобы вы были у ворот Ле-Манса через три дня. Воспользуйтесь же ими, государи мои, поддерживайте свои сообщения и ждите, пока подойдет французский король. Не давайте сражений, не посылайте вызова: оставьте голод делать за вас ваше дело. Я знаю, где находится теперь король английский, и опять соединюсь с вами прежде, чем он подоспеет.

Он говорил еще и еще, чтобы все было для них яснее, но я опускаю эти подробности. Таким молодцам было бы трудно наделать ошибок. Впрочем, правду сказать, он был в таком настроении, что ему было безразлично, как бы они не поступили. Он был свободен! Он ехал искать приключений, но зато видел ясно свой путь прямо перед собой: этот путь тянулся длинной полосой света, который струился от высоко поднятого факела Жанны.

Прежде чем занялась заря, его три спутника и он сам, вооруженный с головы до ног, в чешуйчатой броне, с гладким щитом и нормандским топориком в два лезвия, тронулись в путь. Они ехали не спеша, как едут на охоте к сборному месту – распустив поводья и ворочаясь в седле, чтобы свободно поболтать дорогой.

Наступило время года, когда вешний ветерок дарит вас своей лаской, когда легкий дождичек всегда под рукой, а звезды в небесах, как цветочки на земле, омоются в одно мгновение и станут вдруг до того свежи и ясны, что, на них глядя, и людям захочется быть чище душой. День и ночь ехал Ричард по зеленому простору французской земли. Несмотря на то что он вырвался из самого клокочущего пекла войны, я знаю, у него была впереди одна только цель – снова увидеть Жанну! Ничего не было у него на сердце другого, говорю вам верно. Что бы ни было у него на уме, сердцем он был чист: в душе он лелеял лишь одно неизменное желание, напевал он лишь одни псалмы в честь Святой Девы Марии и святым девственным угодницам Господа.

Да, это так. В нем с малолетства сеяли семена дурных страстей, и я не представляю его вам лучшим, нежели он был на самом деле. В Пуату он творил безумные дела: в них выливалась его горячая кровь. В Турени он поступал, как дьявол, в Париже – как бунтовщик, в Аквитании – как тиран. И о нем распускались всякие злобные слухи: ненависть к родне, кощунство против воли Божьей, насилие, брань, огажение великого доброго дела – все это валили на его имя. Позади его тянулась вереница предков-головорезов или еще того хуже. Он стоял лицом к лицу с неизъяснимыми грехами – и не смущался. Он смеялся там, где следовало плакать, сыпал обещаниями и не держал их. Словом, он был дитя своего времени, своей семьи, он слишком рано познал что такое гордость, и был слишком горд, чтобы это отрицать.

Но в эту минуту, когда его душа воспарила к небесам, он смотрел глазами светлыми, как у малютки. Он ехал по вновь распускавшимся лесам, и на устах его были песни юноши-певца, а перед его мысленным взором витала фигура статной девушки с зелеными очами, с надутыми прелестными губками. «Господи! Что есть человек?» – восклицает псалмопевец. «Господи! Чем только не бывает человек?» – восклицаем мы, зная его несколько ближе.

Переезд занял у Ричарда четыре дня, четыре ночи. Он отдыхал в Ля Ферте, в Ножане ле Ротру под Дуэ, в Рони. Здесь он пробыл целый день на бдении перед Вербной субботой. У него в уме сложилось намерение не видеть Жанны до самой той минуты, когда он мог навеки ее лишиться.

Глава IX

Крутая расправа в церкви Жизора

Когда в марте начинается охота, и ветры носятся в погоне друг за дружкой над пустующими под паром пашнями, любовь тоже чего-то ищет: пробуждаются желания, мужчина ищет женщину, женщина старается быть на виду. Если мужчина или женщина уже любили друг друга, тогда бывает хуже: мы слышим стоны любви, но не можем сказать, где она, или не знаем, как лучше подойти к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.